

Наталия ЛЕВИТИНА

Стопроцентная
блондинка

Девушка
~ без ~
недостатков

Весёлое семейство майора Здоровякина

Наталия Левитина

Стопроцентная блондинка

«Автор»

2008

Левитина Н.

Стопроцентная блондинка / Н. Левитина — «Автор»,
2008 — (Весёлое семейство майора Здоровякина)

ISBN 978-5-271-38670-1

В жизни Насти Платоновой были все ингредиенты счастья: любимый мужчина, статусная работа, лучшие курорты и море шопинга, но все неожиданно рухнуло... Возлюбленный бросил ее ради корыстной рыжей стервы, с работы тут же уволили, и Настя осталась одна в маленькой квартире на окраине. Сердце ее разрывалось от несчастной любви, а душа требовала продолжения яркой жизни, на которую теперь не было средств. Но нет худа без добра – Настя встречает одноклассницу Машу Здоровякину, счастливую мать четверых детей, которая помогает ей устроиться экономкой к известному художнику. Поселившись в его лесном коттедже, Настя влюбляется в загадочного и экстравагантного мужчину, но... Друг Маши, частный детектив, выясняет, что две девушки, в свое время жившие в доме живописца, погибли при загадочных обстоятельствах.

ISBN 978-5-271-38670-1

© Левитина Н., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталия Левитина

Стопроцентная блондинка

Ясным январским утром сотрудник ДПС сержант Гришин ловко маскировался в леске у пригорка, высматривая жертвы. Орудием труда ему служил радар.

Но сегодня Гришину, окутанному морозным паром, с пушистыми от инея ресницами, не очень-то везло. Автолюбители были удручающе законопослушны. Тщетно пританцовывал сержант на обочине, нарядный, в ярком форменном жилете, напрасно размахивал хорошо эрегированным полосатым жезлом. Навар был невелик.

Очередная иномарка проползла мимо, едва шевеля покрывками. «68 км/ч», – высветилось на радаре. «Расстрелял бы!» – сверкнул глазами подмороженный Гришин. По мнению парня (и все водители его поддержат), ехать по пустынной трассе с такой скоростью – это настоящее преступление.

– Доброе утро! – поздоровался краснощекий сержант с преступницей.

Он не терял надежды. А вдруг ночью дамочка праздновала Рождество? И сейчас до сержанта донесется чарующий аромат перегара.

– Что-то у вас стекла запотели. Документы, пожалуйста.

Женщина равнодушно протянула права. Сержант не привык к подобной вялости. Обычно при встрече с сотрудником ГАИ водители проявляют больше живости.

М-да... Перегаром от мадам совсем не пахло. Легкий аромат духов донесся из салона до профессионально чувствительного носа Гришина. Он узнал запах. Такие же французские духи исторгла из него на Новый год супруга. Как там? А, «Ланком». Волшебная жидкость в строгом флаконе представляла собой результат выжимки – но не розовых лепестков, а карманов Гришина. Жене подарок стоил двух месяцев супружеского усердия, Гришину – недельного заработка.

– Все нормально, Анастасия Николаевна, можете ехать, – разочарованно вздохнул сержант. И бросил последний взгляд на даму, не оправдавшую ожиданий.

Анастасия Николаевна выглядела странно. Запах дорогого парфюма и бриллиантовое кольцо на пальце не вязались с потертым китайским пуховиком и старой шапкой. Гладкая кожа рук диссонировала с морщинами на лице.

– У вас все в порядке? – поинтересовался сержант.

– До свидания, – буркнула женщина и подняла стекло.

...Перехватив взгляд гаишника, Настя нервно убрала под шапку выбившуюся седую прядь. Прежде чем продолжить путь, она посмотрела в зеркало и не сдержала горестного вздоха. В ее глазах застыла печаль, а от их уголков веером расползались к вискам морщины. Две страдальческие складки, как противотанковые рвы, огибали рот и спускались к подбородку.

– Сорок пять лет, – прошептала Настя, – и ни годом меньше. От красоты ничего не осталось... Проклятие!

Январское морозное утро, минус двадцать. Сугробы, сверкающие алмазной корочкой наста, еловые ветви в белых пушистых нашлепках. И ей сорок пять. Она одинока, несчастна, оскорблена.

Располагайся.

Это твоя квартира.

Теперь ты будешь жить здесь.

Жить здесь.

Настя закрыла глаза и увидела себя трехмесячной давности: в солнечном октябрьском дне, счастливую и молодую.

Да, всего три месяца назад ей было двадцать восемь и жизнь пьянила ее как шампанское...

Глава 1

Крутой поворот

В самом начале играющего золотыми и багряными красками октября Настя Платонова вышла на крыльцо кубического зеркального здания, расположенного в центре города. На третьем этаже высотки обитала фирма «Люкс-Консалтинг», где и работала Анастасия.

Она трудилась в отделе маркетинга. И хотя на ее карточке уклончиво значилось «специалист», она, тем не менее, подозревала в себе недюжинные способности маркетолога. А иначе бы ее здесь не держали.

Трудовой порыв Насти внезапно угас в третьем часу дня, когда ей позвонил муж.

– Собери чемодан к восьми вечера. Я заеду, – приказал он.

Да, именно так он обычно и разговаривал – тоном, подразумевающим беспрекословное подчинение. Настя подчинялась Платонову с удовольствием.

Сейчас она заволновалась, раздумянилась. Но не спросила, что случилось. Ведь Платонов и сам посвятил бы ее в тонкости авантюры, если бы на то была необходимость.

Настя уточнила:

– А сколько чемоданов?

– Бери все, что тебе нужно.

– Два? Три? А твои вещи брать?

– Нет.

Для большинства жен подобный приказ главнокомандующего звучал бы странно. «Собери чемодан к восьми вечера!» Но сердце Насти радостно затрепетало. Она предчувствовала сюрприз. Михаил конечно же придумал нечто интересное. А так как лишние вопросы разрушили бы эффект неожиданности, Настя предпочла не любопытствовать...

Платонову нравилось быть оригинальным, и средства ему позволяли. Вероятно, он бы не усердствовал, если бы Настя реагировала на его сюрпризы чуть более сдержанно.

Пару лет назад Михаил приехал к ней в офис с двумя саквояжами. Он решительно оторвал прелестного маркетолога от компьютера и увез в аэропорт. Целую неделю они прохлаждались на Ривьере – пили коктейли, летали на парапланах. Был бархатный сезон, и солнце пригревало удивительно нежно.

А однажды супруг извлял Настю прямо из косметического салона. Девушка лежала на кушетке, обмазанная грязью. Она воображала себя русалкой, не справившейся с управлением хвостом и застрявшей в прибрежном иле.

Но Насте пришлось смыть целебный навоз и облачиться в роскошное платье и туфли. Вечер они провели в оперном театре, где давал единственный концерт оркестр под управлением Спивакова. Михаил совершенно случайно в последний момент урвал два билета. Другой на его месте не стал бы суетиться – к началу концерта они почти не успевали. Но Платонов, зная Настину страсть ко всему прекрасному и гармоничному – будь то музыка Вивальди, живопись Тулуз-Лотрека или платье от Chanel, – включил пятую скорость, смотался домой за вечерним нарядом, обнаружил и заблокировал цель (измазанную грязью Настю). Гремели литавры, волшебным пели скрипки, и в Настиной груди эти звуки отзывались мелодией счастья – она была без ума от мужа.

Да, он готовил сюрпризы, как Наполеон – сражения.

Всегда сдержанный, а порой грозный, он умел не только командовать и распоряжаться, но и радовать любимую девочку...

...«Чудесно!» – думала Настя. Она вышла на крыльцо. Мимо спешил народ. Стеклопакеты офисной многоэтажки нервно ездили в проеме, не успевая смыкаться.

Настя направилась к стоянке автомобилей. Она ловила взгляды мужчин. Что ж... Симпатичной блондинке с фигурой, отшлифованной фитнесом, не привыкать кутаться в кокон пристальных мужских взглядов. Настя видела себя со стороны. И знала: она безупречна! Да, объективно и непредвзято: безупречна. Анастасия в этом не сомневалась. Потому что, кроме привычного внимания мужчин, было самое главное – любовь Михаила. В солнечном свете этой любви достоинства Насти расцветали и буйно колосились.

Открыв дверцу «дэу-нексии», Настя подавила вздох. Она всегда вздыхала, когда садилась в этот автомобиль, и особенно яростно – если неподалеку находился Платонов. Но Михаил оставался глух к протестам жены. Он знал, что в умелых руках Анастасии любой автомобиль ждет одна и та же участь. «Нексию» она колотила раз восемь. Зачем же тратить на дорогую машину?

Корейская рабочая лошадка, к тому же банального вишневого цвета, разрушала гламурный образ, выстроенный Настей.

Все в ней соответствовало последним тенденциям моды и указаниям глянцевого журналов – легкое пальто, шелковый топ, юбка асимметричного кроя. И сумка, и украшения, и сотовый телефон были подобраны с исключительным вкусом. Даже стилист французского Vogue не нашел бы к чему придраться.

Более того, не только внешний вид Насти, но и ее мироощущение совпадало с образом современной девушки, рисуемым дамскими журналами. «Глянец» рекомендовал молодым женщинам быть независимыми, высокопрофессиональными, успешными и любить себя больше, чем кого бы то ни было. И Анастасия не сомневалась, что она полностью соответствует данной характеристике. Единственное но: ей ничего не удавалось поделаться с ее любовью к Михаилу. Он был центром ее вселенной.

– Здравствуй, я Анастасия Платонова, – представлялась она новым знакомым. – Работаю маркетологом в компании «Люкс-Консалтинг».

Насте нравилось сообщать всем о месте работы. Благодаря рекламе название фирмы было на слуху, и на девушку смотрели уважительно. Надо же, с такой внешностью, а еще и маркетолог, думали, наверное, собеседники...

Да, сама Анастасия была безупречна. Но ее машина... При взгляде на «нексию» Настя испытывала досаду и недовольство, и ее темно-карие глаза становились черными. У гламурной девушки должен быть стильный, дорогой автомобиль. И если это не так – разве это не причина для жестоких нравственных страданий?

Настя завела мотор и отправилась в путь. У нее оставалось не так-то много времени на сборы. «Интересно, что же теперь придумал мой Мишутка?» – улыбнулась она.

До революции людей, подобных Михаилу Платонову, называли «барин» или «кровопийца». Господин Платонов был ярким капиталистом. Но если в пионерском детстве, читая рассказы об угнетении рабочих, маленький Миша искренне сочувствовал пролетариям, то, повзрослев и сколотив к тридцати годам знатный капитал, Михаил Арсеньевич утвердился в мысли, что любое издевательство над персоналом не будет чрезмерным. Ведь угнетенный, но смекалистый рабочий люд всегда найдет способ компенсировать себе моральные и материальные издержки, нанесенные непомерными требованиями хозяина.

Владельцу крупного автохозяйства постоянно приходилось преодолевать природную лень и алчность персонала. Сколько бы Михаил ни платил рабочим и менеджерам, в других компаниях почему-то всегда платили больше. И всегда менеджеры и рабочие находили способ намекнуть начальнику, как несправедлив он по отношению к ним – трудолюбивым, преданным муравьишкам.

Но, как ни странно, эксплуататора Платонова уважали. Михаилу Арсеньевичу перемивали косточки, но сила его природного обаяния вмиг растворяла недовольство подчиненных.

Он умел материть, не унижая достоинства провинившегося, так, что все вокруг, включая объект словесной экзекуции, начинали буйно гоготать.

Дамы в присутствии Платонова украдкой взбивали волосы, а девицы расстегивали верхнюю пуговку на блузке (если по какой-то роковой случайности она все еще была застегнута). Михаил Арсеньевич был молод, немного лысоват и очень удачлив в делах...

В половине восьмого вечера начальник собрался уезжать. Черный «лендкрузер», атласно блестя боками, поджидал в стойле. Любимого хозяйского коня заботливо почистили и отполировали девушки-мойщицы, все тайно влюбленные в недостижимое солнце – директора.

Собрав в портфель документы, Михаил Арсеньевич посмотрел на фотографию, стоявшую в рамке на столе. Если раньше при взгляде на портрет Анастасии он чувствовал в груди приятное тепло, то в последние месяцы его сердце каждый раз проваливалось в щемящую пустоту.

Сегодня ему предстояло провернуть неприятную операцию. И даже отвратительную. При мыслях об этом Михаил Арсеньевич морщился, словно от воя бормашины. Но с другой стороны, он жаждал побыстрее разрубить гордиев узел. Платонов всегда смело смотрел в лицо судьбы. Любые неприятности он преодолевал силой своего характера. Он умел подминать под себя обстоятельства и людей и уверенно двигался дальше, лязгая мощными гусеницами и сверкая броней.

Платонов не сомневался, что и сегодняшний поединок он выиграет и заставит события повернуться так, как удобно ему. Правда, немного было жаль противника.

В принципе Анастасия могла бы дожидаться окончания рабочего дня. Но звонок Платонова так ее взбудоражил, а перспектива десантироваться на морской берег была столь захватывающей, что Настя решила уйти. К тому же не она одна разволновалась: цифры тоже плясали канкан на экране компьютера и совершенно не поддавались дрессировке. И Настя отпросилась домой.

В фирме «Люкс-Консалтинг» Настю, без сомнения, ценили. Наверное, только исключительная одаренность позволила ей занять место в отделе маркетинга, не имея образования в данной области. С владельцем фирмы Жорой Бердягиным Анастасия даже была на «ты».

Не в силах бороться с впечатлением, производимым на него интеллектом Анастасии, Жора всегда безропотно удовлетворял самые разнузданные просьбы подчиненной. Насте не возбранялось исчезать из офиса в разгар рабочего дня или брать отпуск в самые авральные месяцы, когда каждый сотрудник на счету.

И Жора платил Насте приличный оклад. Экономная хозяйка целый месяц кормила бы на эти деньги семью из трех человек. А Насте зарплата позволяла самостоятельно справляться с такими неизбежными женскими расходами, как покупка крема или оплата услуг модного парикмахерского салона. Настя не пропускала ни одной премьеры: балет Аллы Духовой, концерт Патрисии Каас, гастроли столичных театров – билеты в партер всегда стоили дорого. Умопомрачительные мокасины от Tod's съедали двухнедельный заработок.

Настя позволяла себе быть расточительной. Ее тыл был надежно укреплен финансовой мощью М. Платонова – владельца крупной фирмы. Правда, Михаил часто обуздывал ее страсть к шопингу. Он не отличался особой щедростью, хотя и скупым его трудно было назвать. Просто он умел зарабатывать деньги и знал им цену. Но Настя всегда находила способ выпросить у мужа желаемую сумму. А кто бы устоял перед этой очаровательной блондинкой?..

Таким образом, в половине четвертого Настя уже была дома. Она дельфином резвилась в гардеробной комнате, формируя чемоданный арсенал.

«Куда мы поедem в этот раз? – раздумывала она, снимая с вешалок и бросая на кровать платья и костюмы. – Канары, Мальдивы, Каймановы острова? Ах, Мишутка, как здорово!»

Нежность переполняла Анастасию. Она была невероятно благодарна Платонову за то, что, несмотря на почти круглосуточную трудовую вахту, он находил возможность порадовать ее. Кто он? Ловкий бизнесмен, матерый управленец и наверняка не чурается крепких выражений, отчитывая рабочих. Но Анастасия знала – Платонов умеет быть не только яростно-требовательным, но и ласковым, чутким.

Вот и сейчас... Он наверняка почувствовал, что романтическая поездка им просто необходима. В последние месяцы из-за ужасной занятости Михаила (он расширял бизнес) между ними возникла какая-то отчужденность. Он приходил поздно, и в его голосе звучало раздражение. А ведь Настя так старалась ему угодить! За пять совместно прожитых лет Настя, как гейша, превратила умение угождать супругу в целое искусство.

Их отношения становились все более натянутыми. И Платонов с привычной решимостью взялся исправить ситуацию. Да, он нашел идеальный выход.

«Пусть не две недели, пусть одна... – бормотала Настя. Она доставала из коробок туфли, раскладывала сумки и попутно любовалась своим немислимим богатством. – Пусть даже три дня. Но мы проведем их вдвоем! Поговорим спокойно, без этих постоянных звонков и срочных вызовов... Ах, Миша! Милый, чудесный! Люблю, обожаю, боготворю!»

Похоронив кровать под ворохом одежды, Насте пришлось на время отодвинуть в сторону неземную любовь к мужу и сконцентрироваться на джинсах и вечерних платьях – как бы чего не забыть!

«Раз он не ограничил количество одежды одним чемоданом, значит, все-таки мы летим не на три дня, – сделала логичный вывод Анастасия. – Наверное, на неделю. Или на две? Нет, две недели он вряд ли сумел бы выкроить из графика... Ой, чуть не забыла маникюрный набор...»

Ровно в восемь три полновесных саквояжа красовались у входной двери. Собственница багажа торчала тут же, экипированная для поездки в элегантный костюм. Оливковый цвет пиджака прекрасно гармонировал с ее длинными золотистыми волосами.

– Ну, здравствуй, – сказал Михаил, появляясь в дверях.

Настя сияла. Она ждала похвалы. Она проявила невероятную смекалку и настойчивость, утрамбовывая в три ничтожных чемоданчика восемьсот килограммов одежды. Но в первую очередь она заслуживала похвалы за умение обузывать любопытство и не задавать лишних вопросов.

– Молодец, – кивнул Михаил. – Поехали.

Когда черный «лендкрузер» уверенно проигнорировал поворот на трассу, ведущую в аэропорт, Настя удивленно сморщила носик и посмотрела на мужа. «Это игра, – поняла она. – Он надеется, я не выдержу и начну его расспрашивать. Хитрец! А я буду молчать! Все равно у меня нервы крепче! Он сдастся первым».

Но Михаил не спешил баловать жену объяснениями, и она была совершенно заинтригована. Она быстро перебирала в уме альтернативы пляжному отдыху. В нескольких десятках километров от города находилось красивое озеро Ачаккуль с фешенебельным гостиничным комплексом на берегу. Роскошные номера в гостинице стоили немалых денег, а лесной воздух вызывал эйфорию. Да, наверное, Ачаккуль, решила Настя.

Но джип Михаила уверенно мчался по городу, и озеро, вероятно, тоже не являлось конечной целью путешествия. Наконец, после многочисленных поворотов автомобиль затормозил во дворе панельного дома. Это был район новостроек. Одинаковые многоэтажки сменяли друг друга. Их однойцевую идентичность строители попытались превозмочь, раскрасив панели домов в яркие цвета.

Михаил припарковал машину у подъезда. Остатки строительного мусора, цементная пыль на асфальте, тонкие наивные саженцы, воткнутые по периметру детской площадки, – все

говорило о том, что дом заселен недавно. На балконах громоздились стройматериалы, раздавался волнующий голос дрели и удары отбойных молотков.

– Миша, что? – не выдержала наконец Настя. – Мы к кому-то в гости? А чемоданы? Мы что, не одни поедem? Еще кого-то возьмем с собой? Но как...

Платонов легко подхватил багаж (два чемодана в руки, один – под локоть) и пошел наверх. Лифт не работал. Настя торопилась вслед за Михаилом, упиралась взглядом в его надежную, уплывающую вверх спину и, задыхаясь, лепетала:

– Куда мы? На новоселье? К кому? А зачем вещи? Миш? Ми-и-иш?

Вопросы звучали в гулкой пустоте подъезда. Сегодня Платонов удивлял молчаливостью. Он был даже сумрачен. Пару раз он обернулся. Привычная улыбка, вспыхивающая в его глазах при взгляде на жену, теперь уступила место какому-то иному выражению. Настя не поняла, что это было. Жалость? Презрение?

Михаил открыл своим ключом дверь под номером 10 и посторонился, пропуская вперед Настю. Она переступила порог чужой квартиры, оглядела незнакомую обстановку.

– Ты мне объяснишь, что происходит?! – в сердцах воскликнула Анастасия, совершенно запутанная и почти испуганная.

– Располагайся, – мрачно отозвался супруг и поставил под зеркалом в прихожей Настины чемоданы. – Это твоя квартира. Теперь ты будешь жить здесь...

Глава 2

Недостача

Через месяц после того, как семья майора Здоровякина въехала в новый дом (им досталась четырехкомнатная квартира под номером 11 в симпатичной многоэтажке, выкрашенной в жизнерадостный изумрудный цвет), жена майора, Маша Здоровякина, собрала в пакет резиновые сланцы, полотенце, зубную щетку и изъявила желание отбыть в роддом. Был один из ясных дней золотого и солнечного бабьего лета.

У майора тут же случился сердечный приступ. Да, он, конечно, догадывался, что когда-нибудь Мария выкинет подобный фортель (у нее уже было 39 недель беременности). Но вот так сразу, без предупреждения!

Илья пристально вгляделся в лицо жены с высоты своего монументального роста. Он не видел признаков явной необходимости немедленно отправляться в роддом – Маша не была скорченной или взъерошенной, не ломала мебель в приступе невыносимой боли. Она расслабленно жевала булочку с курагой и выглядела умиротворенной.

– Уже? Сейчас? Мария! Скажи мне правду! – требовал Илья.

Сгусток мужества и воли, центнер упругих мышц, квинтэссенция ловкости и энергии – вот кем обычно являлся майор Здоровякин. Но сейчас его размазало по линолеуму от страха. Неотвратимость близкой развязки заставляла его трепетать.

– Думаю, еще неделю протяну, – успокоила Маша. – Но как-то мне не по себе. Поехали сдаваться. А то потом и «скорую» вызвать не успеем.

Это было мудрым решением. Илья подивился прозорливости и предусмотрительности жены, ее умению мыслить стратегически...

Сплавив любимый колобок в надежные руки врачей, майор вздохнул с облегчением. Но на него тут же навалились проблемы многодетного отца. Теперь, в отсутствие Маши, он должен был самостоятельно организовывать жизнь домочадцев – трех пацанов и овчарки Рекса.

К восьми утра он отвозил детей в садик, в шесть вечера короедов почему-то нужно было забирать домой. Какое странное правило! Ведь на следующий день в восемь утра Илья опять вез пацанов по заданному маршруту. Более логичным было бы оставить детей в садике до утра. Но почему-то подобная мысль казалась разумной одному лишь Здоровякину и не находила поддержки ни у здоровякинских отпрысков, ни у воспитателей, ни у Марии.

– Ты что! – прокричала она в трубку. – Не вздумай! Как тебе подобное пришло в голову!

А у майора нашлось немало блистательных идей по оптимизации быта. Например, очумев от процедуры раскладывания по тарелкам «флотских» макарон, Илья предложил всем есть прямо из кастрюли. Как в старину, в деревенской избе. Этакая милая фольклорная стилизация... Но дети скривили наглые мордочки.

– Ну ты что, папа! Не-е-ет... А где салфетки?

– Какие салфетки?! – обалдел Илья.

– А мама всегда нам давала.

– Пошевеливайтесь, сэр! – Это прозвучало из уст младшего – Эдика.

В общем, Здоровякин потерпел фиаско. Кроме того, отцовские заботы никак не монтировались с распорядком службы майора. Коллеги очень удивились, когда он три раза подряд покинул кабинет без пятнадцати шесть. Такая пунктуальность была несвойственна Здоровякину. Раньше он предоставлял себя в служебное пользование круглосуточно – все-таки оперативник, а не канцелярская крыса.

Более того, майора накрыло лавиной разнообразных домашних дел. Детям постоянно что-то требовалось в садик – то индейские костюмы с бахромой, то нитки мулине, то блины

(обязательно по две штуки!). В ступор ввергла Здоровякина просьба принести пророщенную фасоль. Так как о фасоли парни вспомнили только в одиннадцать вечера, то ночь у майора выдалась бурной. До восхода солнца он упорно проращивал бобовые, поддерживал уровень влажности и оптимальный температурный режим. Он никогда не сдавался без боя!

Он ездил к Маше в роддом, это тоже отнимало время. Еще майор невероятно мучился вопросом, откуда берется чистое, отглаженное белье. Незаметно появляется, как Дед Мороз, в полночь? Ничего подобного! Куча грязных футболок, бермудов и носков росла. Илья утрамбовывал ее в корзину, прессовал, сдавливал – благо силы ему было не занимать. А стопка чистых маек в комодке стремительно таяла. И никакой надежды, что подобное положение вещей внезапно изменится!

Проведя вечер в пришивании «индейской» бахромы к рубашкам сыновей, исколов до крови пальцы, Илья в конце концов понял: все, чего он ждет от судьбы, – это право спокойно заниматься любимым делом. Ловить преступников, выезжать на место преступления, осматривать трупы.

И майор позвал на помощь маму. Раиса Андреевна временно переселилась к сыну, и все тут же встало на свои места. Утром дети уходили в садик, вечером они ели суп из красивых тарелок, Рекс чавкал в углу мясными обрезками, наволочки на подушках хрустели от свежести.

А в середине октября, позвонив Маше на сотовый, вместо голоса жены майор услышал бодрый бас медсестры:

– Здоровякина? Только что родила! Говорить не может.

– Почему не может?! – сполз в кресло Илья, теряя сознание. – Что с ней? Что вы с ней сделали?

– Да ничего мы с ней не сделали! Вы папаша или кто?

– Что значит – кто?! – взревел майор.

– Поняла, не нервничайте. Поздравляю! У вас мальчик! Четыре сто, пятьдесят пять сантиметров. Богатырь! Шварценеггер!

– При чем здесь Шварценеггер? И потом... Почему мальчик? Мне обещали двух девочек!

– Берите что дают! – обиделась медсестра. – Какие вы все привередливые! Что изготовили, то и получайте! Ну надо же! Двух девочек ему подавай!

Несколько дней Настя пребывала в летаргическом сне. Она не выходила из квартиры, не смотрелась в зеркало, не умывалась и не ела. Только пила воду прямо из-под крана. Что, безусловно, характеризовало глубину ее потрясения – раньше она не сделала бы и одного глотка этой опасной, кишасей ротавирусной инфекцией воды.

Как ты не понимаешь...

У меня есть другая женщина.

Она ждет от меня ребенка.

Ждет ребенка...

Ребенка.

Гулко постучали в дверь. Платонов прислал с посыльным оставшиеся вещи. Все было аккуратно упаковано в коробки – шуба, компьютер, любимые Настины книги по искусству, диски... Из рук в руки парень передал ключи от машины.

– Стоянка рядом с магазином. Это недалеко. Место номер двадцать три... И вот еще... Ваши украшения.

Настя открыла футляр. Колье из жемчуга с крупным рубином в середине лежало на синем бархате. Еще пара колец, серьги. Не так-то много для светской леди. Михаил не считал покупку драгоценностей удачным вложением капитала и поэтому предпочитал не тратиться на них. Но колье он вручил Насте, когда они отмечали пять лет совместной жизни. Оно ей было особенно дорого – ведь Платонову пришлось превозмочь себя, покупая столь «непрактичный» подарок.

Настя медленно провела пальцем по крупным розовым жемчужинам. Раньше она всегда восхищалась их перламутровым блеском, всматривалась в загадочную глубину рубина. А сейчас просто захлопнула футляр...

Настя ни на что не реагировала. Она заторможенно слонялась по квартире или лежала на кровати и смотрела в потолок. Она словно плавала в густом киселе горя. Жидкость была плотной и липкой, стояла комом в горле, забивала легкие, не давала сделать вдох. И вынырнуть на поверхность Насте тоже не удавалось. Звуки и свет проникали к ней сквозь мутную пелену.

Настя игнорировала действительность. Она думала, что если усилием воли оттолкнуть от себя реальность, то остается шанс вернуться назад – в блаженное прошлое, в ее идеальный мир.

Ты будешь жить здесь.

У меня есть другая женщина.

Но как бы ни пыталась Настя отгородиться от вторжения, реальность неумолимо настигала ее. В ванной комнате внезапно что-то засвистело, зашипело, взорвалось. Пришлось встать с кровати и дойти до ванной. Едва Настя открыла дверь, ей в лицо брызнули ледяные капли. Она очутилась в центре прохладного мокрого облака. Вода рвалась из трубы тонкой белой струей.

– Да что же это?! – возмутилась Настя. – Новый дом называется!

Она заткнула отверстие пальцем, но палец тут же окоченел, и к тому же было щекотно. Мокрая, Настя вывалилась из ванной, закрыла дверь и сползла на пол. По замерзшим от ледяной воды щекам потекли раскаленные слезы – она зарыдала. Ей стало невыносимо жаль себя – одинокую и брошенную. Заключение, как в темницу, в незнакомую квартиру. Он сослал ее сюда, как декабриста на рудники! Он пинком выгнал ее из любимого дома!..

– Попробуй пожить здесь, – мягко сказал он.

Разве здесь можно жить?!

Здесь все чужое!

И она не привыкла жить одна!

Она никогда, никогда не жила одна!

– Я не понимаю, – простила Настя. – Что происходит? Что это за квартира?

– Я купил ее для тебя.

– Но зачем?!

– А разве ты не считаешь, что нам лучше жить отдельно?

– Почему?! Я ничего не понимаю! Ведь все было так хорошо!

Платонов посмотрел на нее с недоумением. Он искренне полагал, что она заметила перемену в нем. Он думал, она уже знает, что у него есть другая. И расценивал Настины постоянные экзальтированные проявления любви как жалкую попытку его удержать. Мысль о том, что Настя вообще ни о чем не догадывается, даже не приходила Михаилу в голову.

– Настя... У меня другая женщина.

– Что?

– Прости меня. Я влюбился, как мальчишка.

– Нет... – прошептала Настя. Она побледнела и прислонилась к стене. Ее лицо стало совершенно белым, и пятна румян, до этого естественно оттенявшие овал лица, теперь смотрелись вульгарно и жалко. – Нет, это неправда...

– Прости.

– Нет, я не верю.

– Настя! У меня есть другая женщина!

– Замолчи, пожалуйста, замолчи!

– Нет, ты меня послушай! Я хочу жить с ней. Поэтому я купил для тебя эту квартиру. Я ведь помню, наша тебе никогда не нравилась. Дизайнер тебе не угодил, мебель не понравилась,

картины ты назвала примитивными... А здесь ты устроишься так, как тебе будет удобно. Я дам денег. Вот, возьми. Настя, послушай меня! Смотри, здесь деньги.

Настя оттолкнула его руку.

– Я не хочу тут жить, – тоном несчастного ребенка пролепетала она. – Миша, я хочу домой! Мне нравится наша чертова мебель, и я привыкла к этим безвкусным картинам... Мишенька, я хочу домой!

Настя попыталась обнять за шею того, кто пять лет был ее любовью и защитником. Но Платонов поморщился и оттолкнул ее руки.

– Миша, – выдавила Настя, – мы столько лет были вместе! Я ведь тебя люблю! Разве я не заслужила более человеческого отношения? Что я сделала плохого? Чем тебе не угодила... Ты выбрасываешь меня, как ненужную вещь!

– Да нет же! – раздраженно буркнул Платонов.

– Если я действительно теперь тебе противна...

– Ты мне не противна. Но я...

– Ты мог бы все сделать по-другому... Зачем ты так со мной?

– А как?! Как?! – крикнул Платонов. Он знал, что выглядит чудовищем. Но так как Платонов уже исключил Настю из категории людей, перед которыми он хотел бы сохранить лицо, то он не церемонился. – Я думал, ты догадываешься, что наши отношения близки к финалу.

– Нет! Я ничего не замечала!

– Вот именно! Не замечала! Ты не видишь реальной жизни за тряпками, журналами и DVD. Ты всецело поглощена этим, как его, шопингом, болтовней по телефону...

– Но я и о тебе заботилась! Разве нет? В чем ты меня упрекнешь? Я все для тебя делала! Ты был для меня богом! Когда ты возвращался домой – это была самая счастливая минута дня!

– Ну прости меня, прости. Я не прав. Ты прекрасная женщина, но я влюбился в другую. Не знаю, что со мной.

– И ты вышвыриваешь меня из своей жизни, из нашей квартиры...

– Ну пойми, Настя!

– Откуда она взялась?! Кто она, эта девка?! Где ты ее нашел?!

– Она не девка, – взвился Платонов.

– Девка, стерва, воровка! Она украла тебя у меня!

– Закрой рот! – приказал Платонов. – Не смей! Я ее люблю. И мы будем вместе. К тому же она ждет от меня ребенка.

– ?!!

– Она беременна.

Настя отпрянула, закрыла лицо руками. В череде ударов, полученных ею за последние полчаса, этот был самым страшным. Она ясно увидела, как сминаются от удара ее внутренности, прыскаая фонтанчиками крови, превращаясь в искромсанное месиво...

Да, Платонов сделал окончательный выбор. Беременность соперницы неоспоримо это доказывала. Ведь когда сама Анастасия была беременна, Платонов настоятельно рекомендовал ей сделать аборт. «Я не созрел для отцовства, – убеждал он и улыбался виновато и обаятельно. – И потом, бизнес, предприятие. Сейчас я ужасно занят. Ну, зайчишка, давай немного подождем, а? Разве нам плохо вдвоем?» И Настя ему уступила...

– Почему же ты ее на аборт не отправишь? – с горечью поинтересовалась Настя.

Пронзительная обида жгла ее огнем: ребенок соперницы был для Платонова желанным. А Настиному ребенку он не позволил родиться! То, что Михаил пренебрег ее малышом, было гораздо мучительнее, чем его пренебрежение ею.

– Я тебя ненавижу, – прошептала она. – Убирайся! Уходи прочь! Ты за один час уничтожил пять лет счастья. Ты все у меня отобрал, даже воспоминания! То, что между нами происходило в течение этих лет, было чудесно. Я могла бы долго перебирать в памяти счастливые

моменты. Но теперь все окрашено в черный цвет. Ты поступил со мной как негодяй! Убирайся! Ненавижу!

– Что ж, – пожал плечами Платонов. – Конечно, я негодяй. И ты имеешь полное право меня ненавидеть. Так даже лучше. По крайней мере, ты не будешь убиваться по поводу нашего расставания. Прости меня.

– Забери деньги! – крикнула Настя и швырнула сверток в спину Платонова...

...Вода уже текла из-под двери ванной комнаты. Обнаружив, что сидит в ледяной луже, Настя наконец-то пришла в себя. Она вытерла слезы, пошмыгала носом и встала.

– Так, с этим надо что-то делать, – пробормотала она.

Мария кормила грудью младенца и одновременно рассматривала статью в журнале. Она три раза прочитала один и тот же абзац, но абсолютно ничего не поняла. Возможно, сейчас ей больше подошел бы журнал «Счастливые родители».

Мальчик, названный Стасиком, самозабвенно качал из ее груди молоко, как нефть из скважины. Стоило Марии шевельнуться, ребенок разлепил крошечные веки и настороженно посмотрел на источник питания – как бы не перекрыли краник.

– Ешь, моя радость, поправляйся, – просюсюкала Маша.

Она уныло вздохнула. Она опять – в который раз! – попала в золотую клетку. Теперь, куда бы ни забросила судьба, в назначенный час Маша всегда должна доставить грудь в эпицентр вселенной – туда, где ждет с разинутым от голода ротиком маленькое, но настырное существо. И подобное положение вещей сохранится как минимум год.

А как свободна она была прежде! Беззаботно гоняла по городу на раздолбанном «нисане», проводила часы в любимых кофейнях, удобно устроившись за столиком с ноутбуком. И даже три старших ребенка, отправленные в детсад, летний лагерь или к бабушке, не особо обременяли Марию. Так ей теперь казалось...

Стасик, удачно уменьшив вес матери граммов на двести, в конце концов отвалился от груди. Маша положила карапуза в кроватку и, отдав дань материнскому инстинкту, несколько минут любовалась его чарующими формами. Эти пухлые щечки, толстые ручки, аппетитные ножки! Детеныш родился крупным и с каждым днем уверенно прибавлял в весе.

То же самое происходило и с Машей. Она, как и ребенок, уверенно обрастала жирком, хотя от нее этого и не требовалось – ведь Маша не была новорожденным младенцем. Но ей почему-то все время хотелось есть. Вот и сейчас она бодрой рысью помчалась на кухню.

Но тут в дверь позвонили.

На пороге стояла красивая, но очень мокрая девица. С ее одежды капало. Темные глаза, выразительно контрастировавшие с волосами цвета пшеницы, сияли мученическим светом.

– Здравствуйте, – вяло, без энтузиазма произнесла девушка. – Я ваша соседка. Зовут Анастасией. У меня в квартире прорвало трубу. Вы не знаете, что делать в таких случаях?

Надо отметить, Мария отрицательно относилась к блондинкам. А блондинок с именем Анастасия она и вовсе ненавидела. Несколько лет назад майор Здоровякин (тогда еще капитан) резко ушел влево с прямой и светлой дороги семейной жизни. И поводом для маневра явилась роскошная блондинка Настасья.

Объективно сопоставляя свои и Настасьины параметры, Мария понимала: у мужа был единственный шанс избежать адюльтера – временно впасть в кому. Он почему-то этого не сделал. И шрам на Машином сердце, оставленный предательством, болел до сих пор.

Поэтому она едва не захлопнула дверь перед носом нежданной гостьи. Но та вдруг распахнула заплаканные глаза и воскликнула:

– Мария! Машка! Ты?!!

Маша пригляделась.

– Настя Платонова? – изумилась она. – Вау! Вот это фокус! Ты откуда здесь?! Мы что, соседи?

Так, через двенадцать лет после окончания школы встретились одноклассницы.

Неудивительно, что они не сразу узнали друг друга. На выпускном балу Мария представляла собой сублильное создание весом в сорок три килограмма. А сейчас в ней было добрых восемьдесят.

Настя, напротив, из щенка с толстыми лапами превратилась в изящную красотку. Ее скудные жировые отложения дислоцировались строго в местах, отведенных для этого фитнесом. Более того, с годами Настя избавилась от прыщиков, которые в старших классах были ее постоянными спутниками, и изменила цвет волос. Пять лет под крылом Михаила Платонова и постоянная забота о внешности так явно украсили ее, что даже несколько дней страданий не нанесли значительного урона ее личику.

А Маша никогда не отличалась особой красотой. Ее несомненным козырем всегда оставалась стройность. Майор Здоровякин таял от восторга, проводя ладонью по ее острым позвонкам и сдавливая ладонью хрупкое плечо – на фоне его монументальных габаритов жена выглядела невесомым бестелесным созданием.

Но последняя беременность прибавила Маше тридцать килограммов. Вернее, она сама их себе организовала, поглощая в гигантских количествах торты, шоколад и печенье. (Стоит отметить, что майор Здоровякин опять же был рад. Теперь он наслаждался атласно-белой полновесностью супруги и с явным удовольствием хватал ее за мягкие места. Ах, шалун!)

Контраст между стройной Машей, знакомой Насте со школы, и жирной тушей, появившейся в дверях, был разителен. Мария пала так низко, что Настя на мгновение забыла о своем горе. Она беззвучно открывала рот, не в силах произнести ни слова. В ее груди разлилось удовлетворение. Нет, она никогда не радовалась чужому горю. Но как иначе реагировать женской психике на очевидную неудачу подруги? Ровесница в роли мамонта – подобное зрелище выльчит самую глубокую рану. Хотя бы на пару минут.

Но через пару минут Насте стало стыдно. А через десять – она вновь нырнула в пучину собственного несчастья.

– Как я рада тебя видеть, – грустно улыбнулась она Марии. – Ты слегка изменилась, но все такая же милая. Машечка-ромашечка!

– И мы теперь живем на одной площадке?

– Я в десятой квартире! Потрясающе, да?

– Ну, заходи скорей! Почему у тебя красные глаза? Ты плакала?

– Угу, – всхлипнула Настя. – Маша, если бы ты знала, как мне плохо!

– Давай-ка на кухню. Ой, подожди, Стасюша квакает...

Мария побежала в детскую. А когда вернулась, обнаружила за кухонным столом рыдающую подругу.

Услышав детское вяканье, увидев в коридоре коляску и груды разнокалиберной обуви, заметив на стене семейную фотографию Здоровякиных (четверо мужчин забирают Машу и младенца из роддома), Настя вновь осознала, какой невыносимый ущерб нанес ей Платонов. Пять лет она потратила на мужчину, мечтая, что когда-нибудь у них будет настоящая семья. И осталась одна!

– Настя, Настя, – принялась тормошить подругу Мария. – Ну-ка прекрати. У тебя кто-то умер?

– Я сама умерла! – вырвалось у Насти.

– Тогда ты превосходно сохранилась. Розовенькая и гладкая, никаких признаков разложения. Слушай, ты говорила про какую-то трубу.

– Про трубу? Ах да! У меня там всю фонтанирует!

– Ты же соседей зальешь!

– А что делать?

– Для начала хотя бы перекрыть воду. Пойдем!

И школьные подруги, нашедшие друг друга после долгих лет разлуки, отправились в десятую квартиру перекрывать воду.

Глава 3

Индивидуальная психотерапия

Анастасии невероятно повезло. Она прекрасно обходилась без Марии целых двенадцать лет, но в трудную минуту именно разговоры с Машей заставили ее очнуться и прийти в себя. Неизвестно, до чего додумалась бы Настя, сидя в ненавистной квартире и оплакивая судьбу.

А теперь она сидела в основном у Здоровякиных, и добрая, отзывчивая Маша исполняла роль психотерапевта. Как это важно, когда есть кому излить душу.

Учитывая занятость врача, сеансы психоанализа проходили одновременно с приготовлением пищи или во время кормления Стасика. Маша с маниакальным упорством кормила младенца грудью. Настя считала, что она слишком часто наполняет молоком эту канистрочку.

– Но он ведь хочет! – оправдывалась Маша. – Пусть ест человек. Ладно, рассказывай дальше...

Их разговоры уже длились целую вечность. Но тема себя не исчерпала. Как и обида Анастасии. Она не могла смириться с мыслью, что от нее избавились, словно от устаревшей модели сотового телефона.

– Да, Платонов большой оригинал! – согласилась Мария. – Я еще ни разу не слышала о таком способе разрыва с женой. Бывает, конечно, что муж, съев ужин, молча берет из шкафа приготовленный чемодан и говорит внезапное ариведерчи. Это тоже отвратительно и болезненно. Но чтобы взять и выселить из дома жену!

– Да. Сказал, что мне, видите ли, никогда не нравилась наша квартира. Но это неправда! Она мне нравилась!

– Тебе и так нелегко, а тут еще чужая обстановка, незнакомая территория. Это кого угодно ломает! Вот мы недавно переехали. Я до сих пор не пришла в себя. Ничего нельзя найти, все по-новому, все не так... А у тебя к тому же разбито сердце. Нет, Михаил поступил чрезвычайно жестоко!

– Наверное, вопрос в деньгах. Та квартира, что он оставил себе, раз в десять дороже моей. Он всегда умел считать деньги. Он решил, для меня это слишком жирный кусок – апартаменты в центре города с роскошной обстановкой. А тут... Ламинат весь дыбом встал после потопа!

– Слушай, а почему Михаил при регистрации взял твою фамилию?

– Он не брал.

– Как – не брал?

– Да так. Мы однофамильцы.

– Потрясающе!

– И мы не регистрировались. У нас гражданский брак.

– О, как неудачно! Теперь понятно, почему Платонов так запросто выселил тебя из царских хором в дешевую квартирку на окраине. Вы не зарегистрировали брак. Он вполне мог отправить тебя прямо на улицу.

– Да. Когда мы с ним познакомились, я увидела особый знак в том, что мы однофамильцы. Мы были словно созданы друг для друга! И вот... Он вышвырнул меня из дома! Но самое обидное, что у них будет ребенок. А меня он послал на аборт! – всхлипнула Настя.

– Ты сделала аборт?! – ужаснулась Мария.

– Да. Год назад.

– Как же ты решилась?

– Вот так.

– Но зачем? У тебя был вполне актуальный возраст для материнства. И все условия. Муж, квартира, средства.

– Он меня заставил.

– Что значит – заставил? Каким образом? Вел в клинику, подталкивая дулом автомата? Привязывал? Заковывал в наручники?

– Нет. Но он убеждал. Приводил аргументы.

– Это все слова. Уверяю тебя, если бы ты проявила твердость, то через девять месяцев Платонов, как миленький, менял бы младенцу памперсы. И страшно гордился бы своим новым приобретением!

Маша с нежностью посмотрела на Стасика, сопевшего у ее груди. Настя перехватила взгляд подруги и скривила рот. Ее брови встали домиком, глаза наполнились слезами.

– Была бы сейчас с ребенком... А так... Осталась совершенно одна.

– Ну, не плачь, не плачь, – успокоила Мария. – Родишь когда-нибудь. А сейчас наслаждайся девичеством. Тебе всего двадцать девять. И пока нет детей, ты все еще девочка-подросток.

– Мне двадцать восемь, – восторгалась подруга и вытерла слезы. – Ты что, забыла? Я ведь была самой маленькой в классе.

Ах, ну конечно! Мария была старше Анастасии на целый год. Теперь понятно, почему она так мудра и рассудительна. В ее-то возрасте... Двадцать девять лет, страшно подумать... Настя горделиво задрала подбородок.

– Правда, – с улыбкой кивнула Мария. – Ты у нас малышка. Кстати, ты уже составила план мести?

– А?

– Мстить собираешься?

– О-о... Думаешь, у меня получится?

– Думаю, нет.

– А хорошо бы.

– Не пытайся соперничать с Богом или Провидением. Это в каком-то Завете сказано, да. Короче, Платонова накажет Бог.

– А если нет?

– Значит, он поступил правильно, выгнав тебя из дома.

– Что?!!

– Нет, серьезно. Подумай: ты сейчас свободна и задумчива. Ты переосмысливаешь свою жизнь. А вдруг, выставив тебя за дверь, Михаил освободил дорогу новому чувству? Новым встречам, знакомствам? Изменениям в тебе? Возможно, у Насти Платоновой другое предназначение, нежели быть просто женой богатого коммерсанта?

– Знаю я эту песню! – фыркнула Настя. – Это вариация на тему «Что ни делается, все к лучшему». Интересно, а если твой Илья объявит, что его любовница собралась рожать и поэтому отныне он будет жить с ней? Ты воспримешь эту новость лояльно?

– Ну уж нет! – возмутилась Мария. – Не говори мне такие ужасные вещи! Никаких любовниц!

Маша и не предполагала, что всего через пару месяцев страдания Анастасии станут очень близки ей, когда в их доме зазвучит томительная, как аргентинское танго, тема любовницы.

Целую неделю Настя лелеяла обиду, упивалась ею. Ей ужасно хотелось увидеть ту, другую женщину, укравшую у нее счастье.

И она решилась. Взяв со стоянки автомобиль, Настя поехала в центр, в знакомый до боли двор. Там, изящно маскируясь зонтиком, книгой, газетой, она три часа просидела на скамейке под разлапистым канадским кленом, выжидая. Более скандальная и самоуверенная особа наверняка не стала бы караулить во дворе, а вторглась бы на территорию, занятую неприятелем, и намылила обидчице шею.

Но Настя с юности влачила бремя интеллигентности. И поэтому она терпеливо ждала под деревом. И дождалась. Около восьми вечера во двор въехал черный джип Платонова, и Настя увидела ее.

После легкого дождя в воздухе пахло озоном и близкими холодами, желтые и красные листья мокро блестели на черном асфальте. Платонов осторожно выгрузил из салона живой трофей, а из багажника – целый ворох фирменных пакетов и коробок.

С первой же секунды, увидев их вместе, Анастасия поняла, что трофеем является сам Платонов. Его лицо, обычно твердое и мужественное, сейчас утратило выражение силы. Он сиял нежностью, суетился, выглядел счастливым и зависимым. Настя его не узнавала.

Я влюбился, как мальчишка.

Не знаю, что со мной.

Прости.

А соперница пленяла красотой. У нее были роскошные медно-рыжие волосы, яркие глаза, королевская осанка и взгляд женщины, привыкшей шагать по мужским трупам. В том, как она смотрела на Платонова, чувствовалось удовлетворение охотника, заарканившего сильного зверя. А зверь находился в состоянии эйфории и не владел ситуацией...

На фирменных пакетах, привезенных домой Платоновым и рыжеволосой стервой, красовался логотип магазина «Александра». Это был дорогой салон свадебных платьев. Настя и сама не раз заходила туда, чтобы примерить бело-розовый наряд и вообразить себя невестой.

Да, за пять лет ей так и не удалось уговорить Михаила зарегистрировать их отношения. «Зачем это, – отшучивался он, – разве я тебе не муж? Я полностью в твоей власти». Новая пассивность, видимо, нашла подход к Платонову и убедила его в преимуществах официального брака перед гражданским...

– ...Пять лет, – причитала вечером на кухне у Здоровякиных Анастасия, – пять лет жизни! И что теперь?

Мария, по обыкновению, сосредоточенно вырабатывала молоко. На руках у нее лежал Стасик. Он косился на дам голубыми глазками, жмурился, корчил рожицы. Но болтовня больших девочек действовала на него как снотворное, и вскоре детеныш ритмично задышал, уснув.

– Надо же, – заметила Настя. – А я думала, если в доме младенец – это суший кошмар. Но он только ест и спит, спит и ест... Значит, иметь детей вовсе не трудно!

Маша энергично закивала.

– Одно удовольствие! – подтвердила она. – Главное, вовремя нажраться новопассита. Или выпить пустырника. В аптеке много отличных препаратов.

– У тебя есть?

– Обязательно. Точно, налью тебе пустырника. Как я раньше об этом не подумала! Вот, пробуй.

– Но он же горький, – задохнулась Настя.

– Хочешь, разбавим мартини?

– Тогда уж просто мартини. Хотя я его и не люблю. Маша! Как жить дальше?! А?!

Маша изо всех сил сочувствовала подруге. Она не понимала, как же Платонов сумел вычеркнуть из жизни милую, добрую, преданную – и еще сто восемьдесят пунктов – Анастасию!

И в то же время обе знали: Платонова не вернуть. Он пропал, растворился в терпкой смеси стервозности и очарования. Любая попытка доказать ему, что он стал жертвой расчетливой бестии, будет иметь обратный эффект. Он влюблен, и это любовь-болезнь.

– Как глупо, как глупо, – всхлипнула Настя. – Он попался, его обвели вокруг пальца.

– А вдруг ты ошибаешься? Вдруг она вовсе не охотится за богатыми мужиками, а на самом деле любит Платонова?

– Я ранена в сердце, а не в оба глаза! Я не слепая! Я все видела! От Миши ничего не осталось. Рожки да ножки. Жалкие объедки. Она сожрала его с потрохами...

Сегодня утром в Настинном сердце зародилась надежда. Она забыла о проклятиях, брошенных ею в адрес Платонова. Анастасия вдруг подумала: все можно вернуть. Она готова забыть, как он ее обидел и унизил. Пусть только позовет обратно...

Но, увидев коробку со свадебным платьем, заметив взгляд, брошенный Платоновым на новую подругу, Настя поняла: Михаил давно живет другой жизнью, в которой нет места ей, Насте. Он никогда не смотрел на нее такими глазами – как на богиню. Это Платонов был для нее божеством. А он снисходил до своей очаровательной глупышки.

В новом союзе роли изменились. Рыжеволосая хищница с королевской осанкой позволяла Михаилу плавиться в огне любви. В обмен на материальные блага. На то, как алчно использовала она возможности, даруемые его кредиткой, указывало количество пакетов, выгруженных из черного «лендкрузера». И эту жадину Платонов почему-то не упрекал в страсти к шопингу!

– Но ведь он умный! – вспомнила Настя. – Он увидит, что его используют. И поймет, как ошибся. Я подожду. Подожду... Так! Надо покрасить волосы и сделать пилинг.

– Что?! – возмутилась Мария. – Какая бесхарактерность! Уже готова простить. Пилинг, тоже мне! Это от слова «пила»? Когда спиливают верхний слой кожи? Да, да, совершенствуйся! Еще слетай в космос и покори Эверест. Толку-то! Когда Платонов прозреет, будет поздно. В паспорте – штамп, в люльке – младенец. А в сердце – ненависть ко всем представительницам слабого пола...

Анастасия не понимала, как Платонов будет жить без нее. За пять лет у них сформировался целый арсенал совместных привычек и ритуалов. Они понимали друг друга с полуслова. И что теперь?

– Я всегда ждала его с ужином. Разве она станет для него готовить? Да она, наверное, и не умеет. А я три раза ездила во Францию и брала мастер-класс в «Ритце». Я жарю отбивные, как шеф-повар французского ресторана. А мой фирменный борщ? А куриный салат с мандарином? Как же, а?

– Думаешь, Платонов не выживет?

– Конечно нет! А массаж? Я специально закончила курсы, чтобы по вечерам делать ему расслабляющий массаж.

– Ты серьезно? – поразились Маша.

– Да. Он ведь так устает. И я умею танцевать танец живота. У меня костюм с монистами!

– Слушай... У меня просто нет слов!

Мария несколько минут потрясенно молчала. Она представила, как встречает вечером Здоровякина в наряде восточной одалиски, кормит супруга борщом и куриным салатом, а затем страстно крутит бедрами в зажигательном танце. А после добывает майора расслабляющим массажем. О, это было бы нечто!.. Хотя вряд ли Здоровякин выживет – ведь, несмотря на внушительные размеры, он отличается тонкой нервной организацией. Его психика будет травмирована жестоким экспериментом.

– Знаешь, Настя, ты уникал.

– Правда?

– Однозначно.

– А разве ты не заботишься так же об Илье? – удивленно распахнула глаза Анастасия. – Ах, впрочем, сейчас тебе не до танцев.

– Честно говоря, я не способна на такие подвиги.

– Какие подвиги? Мне нравилось делать Мише приятное. Я ведь его люблю! Вернее, любила.

– Настя, у тебя задатки супержены. Подозреваю, ты быстро найдешь объект, готовый поглощать твою созидательную энергию. Мужчины обожают, когда их лелеют. Вот, посмотри на этот экземплярчик!

Маша указала на пупсика, блаженно спавшего у нее на руках.

– Он чудо, – подтвердила Настя...

Сеанс врачевания душевных ран был прерван появлением близких родственников Марии. В квартиру с грохотом ввалились четверо мужчин. Им словно противно было само понятие тишины.

Впереди катился измазанный шоколадом трехлетний Эдик. Затем в дверном проеме возникли близнецы Леша и Антоша. Замыкал процессию глава семейства. Рекс прыгал, обалдев от счастья, и сдавленно таякал. С тех пор как в доме появился младенец, в семье были резко ограничены некоторые завоевания демократии – свобода слова, например. Рексу запрещалась лаять под страхом смерти.

А дети были выдрессированы гораздо хуже овчарки. Они не сдерживали эмоций.

– Что мы будем есть?! – закричал Эдик.

– О, братан, привет! – сунулся к кулечку с младенцем Антон.

– Сначала помой руки, – зашипела Мария.

– Мама, у меня штаны порвались, – обрадовал Леша.

– А у меня в кроссовке дыра. Вода попадает, – сказал Антон.

– Жаловались на Эдика, – сообщил майор. – Кормил девочек из старшей группы поганками.

– Супергрибочками, – уточнил Эдик. – Угощайтесь, мэм. Пожалуйста, мэм. Благодарю, мэм.

– Нужно собрать природный материал и завтра отнести в садик: листья рябины, дуба, березы, а также шишки, желуди, каштаны, побеги бамбука...

– И дохлых гусениц, – добавил Антон. – У меня есть пять штук. Вот, смотрите.

– ...дети будут делать осеннее панно, – закончил майор.

– Осеннее панно! Как трогательно, – вздохнула Мария. – Только где мы возьмем на ночь глядя желуди и каштаны?

– Мама, ты зашьешь мне штаны? Или дай другие.

– А в каких кроссовках я пойду завтра?

– Господа, не толпитесь! Пожалуйста на фуршет! (Эдик.)

– Мама, пойдем косить бамбук!

– А что мы будем есть?

– Маш, ты чего-нибудь успела сварить?

– Аллю, это девять-один-один. Что случилось, мэм? Убийство? Выезжаем! (Эдик.)

Насте хватило трех минут. Через три минуты у нее перед глазами замельтешили черные мушки.

Иметь детей вовсе не трудно.

Одно удовольствие.

– Знаете, – сказала Настя, – я, пожалуй, приготовлю вам изысканный ужин. Зря я, что ли, парилась на кулинарных курсах в «Ритце»? Так, что у нас в холодильнике?

В холодильнике красовалась банка сцеженного Машиного молока и кусок сервелата. Зато в морозильнике нашлись четыре упаковки вареников.

– Вареники с картошкой вас устроят?

– Да-а-а! – закричали дети и майор, перманентно измученные голодом.

– Вообще-то не рекомендуется употреблять в пищу замороженные продукты. Особенно детям.

– Наши дети едят и не такое, – вздохнула Маша. – Этой осенью они съели полпесочницы и три тонны жухлой листвы.

– Да? Ну, тогда я ставлю воду.

Через десять минут изысканный ужин был готов.

Глава 4

Все на баррикады! (Вернее, на работу)

Атмосфера чужой квартиры усугубляла Настины мучения. Требовалось чем-то заняться, чтобы избавиться от тоски. Но на работу она не ходила, попросив у Жоры Бердягина отпуск без содержания: не хотелось демонстрировать коллегам свою тотальную растерзанность.

Оставался один выход – заглянуть к Марии. Настя практически переселилась к Здоровякиным. Маша не протестовала. Она тоже испытывала нехватку общения. Если Стасик и планировал стать великим оратором, он пока держал замысел в тайне. Сейчас Мария общалась с ребенком в одностороннем порядке – в лучшем случае он произносил загадочное слово «пррркххх».

А у Насти обнаружилось замечательное свойство. Она не долго просидела на кухне, оповещая мир о жестокости Михаила Платонова. Вскоре она ощутила потребность занять чем-то руки. И с тех пор постоянно что-то делала. Даже если это было проявлением нервного тика – Маша только радовалась. Немного корыстно, разумеется.

Квартира Здоровякиных еще не оправилась от переезда. Настя постепенно разобрала коробки, составила в шкаф книги, рассортировала одежду, разложила игрушки. Она три раза варила борщ. К кастрюле всегда выстраивалась очередь за добавкой. Ее картофельное пюре было исключительно воздушным. А как ловко она управлялась с шваброй! Чудо-девушка.

В принципе Анастасии следовало заняться собственным жильем. Но по какому-то недоразумению там не было Машиных ушей. А Насте просто необходимо было выговориться.

Увидев Машин эквилибр с утюгом, Настя решительно забрала у неумелой подружки опасный электроприбор.

– Кто же так гладит! – возмутилась она. – Да ты убьешься! И смотри, здесь складку оставила, и здесь. А Илюшины рубашки? Почему ты их отложила в сторону?

– Сам погладит. Нельзя развращать мужика, – объяснила Маша. – Мне пеленок хватает. А Настя гладила мужские рубашки с благоговением.

– Он идиот и подлец, – сделала вывод Мария. – Как он посмел от тебя отказаться?

– Встретил настоящую любовь, – с горечью усмехнулась Настя. – Я вот подумала... Даже если эта рыжая девица обманывает Мишу, его-то чувства искренни. Он испытывает страсть, он любит. Сейчас и ее. А я – пройденный этап. И осталась ни с чем. Ни мужа, ни ребенка, ни мечты, ни социального статуса.

– А что там с социальным статусом?

– Как – что? Совсем недавно я была роскошной подругой успешного предпринимателя. А теперь? Одинокая и нищая старая дева.

– Ну, молодец. Особенно мне нравится термин «старая дева» в приложении к твоей персоне. Ты себе не польстила, а? И почему «нищая»?

– Почему? У меня однокомнатная в дальнем районе и бэушный автомобиль. А раньше я жила в центре, в двухсотметровых апартаментах.

– Ну и что? Посмотри на ситуацию с другой стороны. Ты не одинокая и нищая старая дева, а молодая, свободная девушка, с собственным жильем и автомобилем, с перспективной работой и классной зарплатой. Кстати, о работе. Ты уверена, что в «Люкс-Консалтинге» по тебе не соскучились?

– Думаешь, пора на работу?

– А как же! – возмутилась Мария. – Тебя, наверное, хотят уволить. Ты злостно игнорируешь службу.

– Да брось! Меня не уволят. Меня там ценят.

– Но зарплату все равно урежут. На что ты будешь жить? Ты теперь самостоятельная девочка и должна рассчитывать только на собственные силы...

Не представляя жизни без напряженной трудовой деятельности, Мария думала, что все вокруг так же беззаветно преданы любимому делу. Сама она до последнего часа перед отправкой в роддом цеплялась за компьютер, заканчивая программу для авиалиний «Трансвэйз». Она попыталась контрабандой протащить ноутбук и в палату, но суровая нянечка позволила пронести только тапочки и зубную щетку.

– Ты права, – согласилась Настя. – Хватит сидеть дома. Завтра отправлюсь в офис. По крайней мере, приведу себя в порядок. Прическа, макияж, костюм. Да, да, ты права!

– Мне будет тебя не хватать, – честно призналась Мария. – Давай сегодня опять сварим борщ?

Итак, опытный кардиохирург Мария Здоровякина в меру способностей подлатала раны на сердце подруги. Она использовала высококлассный шовный материал – искреннее сочувствие и несокрушимый оптимизм. Она внушала бедняжке мысль, что и без Платонова ее ждет прекрасное будущее...

Но если разобраться, Марии прежде всего следовало бы упорядочить собственную жизнь. И в первый же день, свободный от ковыряния в ранах подруги, Мария занялась этим.

В последнее время ее не покидало ощущение недовольства собой. Вот уже целый месяц она бездействовала. Да, конечно, ее сутки были расписаны по минутам в соответствии с семейными заботами. Малыш обеспечивал плацдарм действий: Маша кормила, пеленала, купала, чистила ушки и носик, обрабатывала пупок. Конечно, все эти манипуляции безумно упоительны. Но у Маши была и другая страсть – программирование.

А она даже не включала компьютер. У нее не было ни одного заказа. В последние месяцы беременности она занималась только программой «Трансвэйза», отказав трем выгодным клиентам. Ввиду кардинальных изменений в ее организме она уже не могла сидеть у компьютера ночи напролет.

Вынужденное пренебрежение клиентами не прошло даром. Телефон молчал, новых заказов не поступало. Необходимо было напомнить о себе, встретиться с друзьями, узнать, какие фирмы нуждаются в усовершенствовании программного обеспечения. Но, запертая в четырех стенах, Мария выпала из деловой жизни города.

Отсутствие клиентов прочило в скором будущем жестокое безденежье. Этот вопрос сильно волновал Машу. Пока они славно проедали гонорар, заплаченный авиалиниями. Но недавний переезд и ремонт выжали из семейных накоплений все денежные соки.

Да, твердо решила Мария, хватит лодырничать. Пора действовать. Ей стало известно, что крупный коммерсант Залесов, владелец супермаркетов и пивоварни, мечтает о такой компьютерной программе, которая позволила бы ему в любое время дня и ночи одним нажатием клавиши на ноутбуке узнать о состоянии дел в вотчине, будь то склад супермаркета, цех пивоварни или бухгалтерия центрального офиса.

Масштабность замысла наполняла трепетом Машино сердце. Она предвкушала интересную работу. Она уже видела подводные рифы и возможные трудности. Она предполагала, что потребуется клиенту, – наверняка он ждет от программы простоты в обращении, наглядности и максимальной защищенности. Марию начинала бить восторженная дрожь, когда она думала об этом глобальном проекте. Но для начала требовалось убедить господина Залесова, что она лучше кого бы то ни было способна реализовать его планы.

Свекровь вызвалась посидеть с малышом. Поскрипев педалькой молокоотсоса Avent, Мария сформировала молочный фонд, а затем наивно попыталась втиснуть в джинсы сорок четвертого размера свою попу, незаметно растолстевшую до очертаний африканского континента.

Да, всего семь-восемь месяцев назад на Маше спокойно застегивались эти голубые «вранглеры». Мария с недоумением дергала пояс, удивляясь, почему джинсы отказываются подниматься выше колен. Она почему-то не сомневалась, что после родов ее вес плавно начнет снижаться и вновь достигнет привычной отметки сорока восьми килограммов. «Гормоны и все такое», – думала Мария. Но этого не произошло. Набранные килограммы цепко держались за Машу, как коала за секвойю. Они ни за что не хотели расставаться с кормилицей...

Итак, путь в приемную бизнесмена Залесова лежал через магазин одежды – Маше совершенно нечего было надеть. С наступлением холодов она влезла в теплую юбку, позаимствованную у свекрови, и это было ее спецодеждой.

– Раньше я носила сорок четвертый, – сказала Мария продавщице джинсового салона. – Сейчас немного поправилась. Ну, наверное, где-то сорок шестой, да? Что, сорок восьмой?!!

Юная продавщица смерила скептическим взглядом бедра Марии, облепленные бесформенной трикотажной юбкой.

– У вас пятидесятый. Померьте вот эту модель. Отлично утягивает.

– Пятидесятый?! – раздраженно засмеялась Маша. – Что за глупости! Я никогда в жизни... никогда в жизни...

Джинсы пятидесятого размера, треща по швам, приняли в себя солидную часть Машиной плоти, но о том, чтобы застегнуть «молнию», речи не шло.

– Значит, я ошиблась, – констатировала продавщица. Она просунула голову в примерочную. – Снимайте. Вот пятьдесят второй. Вам точно подойдет...

...Напрасно проторчав в офисе Залесова битых два часа, Мария в конце концов оставила секретарше демодиск и отправилась домой. Она по привычке круто свернула в сторону кофейни «Флибустьер», и даже вошла внутрь, и даже припала бюстом к витрине с эксклюзивными тортами и фруктовыми корзинками, но в последний момент одумалась.

На ней сидели как влитые черные джинсы пятьдесят второго размера. Это была модель унисекс и совершенно безликая. «А что-нибудь поинтереснее?» – попросила Маша у продавщицы салона. «Оригинальные модели только до сорок шестого», – отрезала девица.

– Я решила худеть, – объявила Мария свекрови и приняла из рук Раисы Андреевны фланелевый сверток. – Ути-ути, как я по тебе соскучилась, мой котенок, – загундела она голосом, пропитанным материнской любовью.

Свекровь относилась к той категории людей, которым всегда кажется, что им продали самые мелкие яйца или вчерашнюю сметану. Иными словами, Раиса Андреевна обладала трезвым взглядом на вещи.

– Похудеть невозможно, – отрезала она. – Раньше надо было думать. Я же тебе говорила! А ты мела все подряд – пончики, булочки. Теперь и не смей заикаться о диете, пока кормишь грудью.

– Я не говорю про диету. Просто я начинаю питаться рационально. Буду есть всякие прелестные вещи – обезжиренный йогурт, коричневый рис...

– Ну-ну, – усмехнулась Раиса Андреевна, и веры в Машины силы в ее тоне было не больше, чем бекона в беконовых чипсах.

«Надо проконсультироваться у Валдаева», – подумала Мария.

Александр Валдаев, близкий друг семьи Здоровякиных, за последнее время избавился от пятнадцати лишних килограммов. Зря Раиса Андреевна утверждает, что похудеть невозможно.

Глава 5

История фотомодели, упавшей с горы

Умение говорить себе «нет» – а именно это качество позволило Саше Валдаеву вернуться в норму – исключительная черта. А Валдаев, кроме того, обладал еще целым набором других удивительных свойств.

Неисправимый донжуан, непостоянный, как весенний ветер, из года в год он пополнял коллекцию пассий. Здоровякин застывал в почтительном недоумении, увидев рядом с Сашей очередную симпатичную мордашку. «Ты не пробовал подсчитать? – спросил он как-то у друга, – сколько у тебя их было?»

Валдаев не спал трое суток – подсчитывал. И наконец, блестя красными от недосыпания глазами, выдал результат – одна тысяча двадцать четыре женщины. Весь остаток дня Илья молчал. Он был подавлен и обескуражен. В его жизни присутствовали только две женщины – любимая жена и мимолетная любовница...¹

Где бы ни появился Валдаев – в клубе или присутственном месте, в автосалоне или аэропорту, в концертном зале или кинотеатре, – везде слышалось нежное воркование: «Сашуля, привет! Как давно мы не виделись... А почему ты не звонишь? Поужинаем как-нибудь вместе?..» Списанные со счетов дамы сердца почему-то не держали зла на экс-любовника. Это было особым даром Валдаева – расставаться без скандала.

И лишь с последней его девушкой – англичанкой Джессикой² – получилось как-то по-дурацки. Она улетела в Лондон вся в слезах и с разбитым сердцем. Валдаев остался дома и несколько месяцев корил себя за жестокость. «Свинтус я камерунский», – вздыхал он безутешно.

Отметив тридцатипятилетний юбилей, Саша задумался о смысле жизни. Глубокого, космического предназначения он за собой не видел. Увеличивать плотность населения по примеру Здоровякина – отца четырех мужичков – не очень-то хотелось. Оставалось брать то, что лежит на поверхности, – гедонистическую составляющую бытия. Но расценивать жизнь лишь как источник удовольствий было скучно.

В конце концов поиски смысла жизни были отложены до сорокалетнего юбилея. В принципе все так делают. А Валдаев занялся текучкой.

Во-первых, он искал помещение для офиса. Во-вторых, возрождал фирму «Поможем!», которая когда-то приносила ему неплохой доход, а потом прекратила существование. В-третьих, занял денег на покупку автомобиля. В-четвертых, Валдаев объявил войну лишним килограммам и даже дал себе слово не смотреть телевизор, пока не нормализует вес. К тридцати пяти годам он нарастил щечки, ляжки, живот, и это его страшно раздражало. Энергичный, поджарый сердцеед остался в прошлом. Из зеркала на Сашу смотрел дряблый, уже немолодой мужчина.

Стратегическое наступление по всем фронтам продлилось около четырех месяцев. Позднюю осень Валдаев встретил исключительно похорошевшим. Он звенел от голода, но полностью сменил гардероб. Он нашел офис, его юридическая фирма исправно функционировала, он раздал долги за сверкающую серебром и хромом новенькую «тойоту-короллу»...

– Ну, Саш, объясни, – пытала Маша удачливого друга. – Как? Я решила похудеть на тридцать килограммов. Рассказывай. Я буду конспектировать.

¹ О том, как Илюша Здоровякин сходил налево, рассказывается в книге «Экстремальная Маргарита».

² История Джессики Мейтер описана в книге «Великолепная корпоративная вечеринка».

– Да что рассказывать, – пожал плечами Валдаев. – Метался как ненормальный, ты же видела. Рубил деревянные, обрывал зелень. За машину надо было долг отдавать, за офис. Сначала думал взять в аренду, потом решил купить. Набрал клиентов, суетился, как бобик, пожрать толком не успевал. Ну и это... На хлебе и сахаре поставил крест.

– Совсем? – приуныла Маша. – И торт нельзя?

– Нельзя. Мясо и овощи.

– Но от пива-то ты не отказался! – обиженно воскликнула Мария.

– Пиво и прочие алкогольные напитки – это святое. А ты, девочка моя плодовитая, чего надумала? Какие тридцать килограммов? Зачем? От тебя ничего не останется.

– Останется сорок семь, – призналась Мария, краснея.

– И кому это надо? Какие глупости!

– Это не глупости. Это осознанная необходимость.

– Не думаю. Ты видишь, где мои руки?

– Где?

– За спиной!!! – прокричал Валдаев. – Я убираю их за спину всякий раз, когда приближаюсь к тебе. Потому что ты жена моего друга! И на тебя я посягать не смею. Но если бы ты была свободна...

Валдаев смерил Марию взглядом, недвусмысленно задерживаясь на особо соблазнительных местах. Сегодня Маша надела домашний сарафан, ее сдобные плечи были открыты, бюст чудесно вздымал ткань двумя идеально круглыми холмами. Сзади она тоже смотрелась весьма аппетитно.

– И не вздумай худеть! – приказал Александр. Мария зарделась, расслабилась и вспомнила, что в холодильнике остался кусок шоколадного рулета... Но тут же вернулась на землю. Если бы за успехи в искусстве комплимента давали Нобелевскую премию, Валдаев, без сомнения, ее получил.

– Знаю я тебя, – буркнула она недовольно. – Ты мастер говорить женщинам приятное.

– И не только говорить, – быстро вставил Валдаев.

– Но что-то я не припомню у тебя ни одной подружки с рубенсовскими формами. А, Сашуль?

– Нет, ну отчего ж... – глубоко задумался любитель мясистых крошек. – А Вера?

– Стюардесса?

– Да!

– От силы шестьдесят килограммов при росте сто семьдесят! – отбрила Маша.

– Марго?

– Твоя бесстрашная десантница?

– О да, – вздохнул Александр.

– Смеешься. Она была очень стройной.

– И темпераментной. Лайма, дизайнер! – вспомнил Саша.

– Да там вообще одни кости! – возмутилась Мария.

– Ева.

– Голубоглазая брюнетка, помешанная на Брэде Питте?

– Угу.

– Изумительная фигура. И-зу-мительная!

– Ну, Елизавета, подружка твоя. Милый, сладкий пончик!

– Ага, ага! – торжествующе подхватила Мария. – Елизавета – пончик?! Ты уже совсем не знаешь, что сказать!

– Ладно, – сдался Валдаев. – Признаю факт. Все мои подруги имеют параметры фотомоделей. Но это всего лишь совпадение.

– Саша, это закономерность! Слоники никому не нужны!

– Перестань. И не надо равняться на других, пренебрегая собственной уникальностью. Маша! Ты прелестна!..

Поговорив с несчастным толстым хомячком, Валдаев тут же набросился на друга.

– Хватит тиранить жену, – возмущался он. – Как тебе не стыдно! Сам жрешь, как буйвол, а ее сажаешь на диету!

– Никуда я ее не сажаю, – удивился Здоровякин. – Я и слова против... Мне она нравится! Очень! Машка сама вдруг перешла на кефир. Вчера принес ей торт, хотел порадовать, а она едва коробку мне на голову не надела... Но я знаю, у нее послеродовая депрессия. Нужно потерпеть. Это пройдет.

– Не пройдет, – сказал Валдаев. – Маша твердо намерена потерять тридцать килограммов. Ты представляешь? От твоей жены останется половина.

– Половина... – эхом повторил Здоровякин. Его лицо приняло озабоченное выражение. – А половина – это с одной грудью или с двумя?

– Идиот! – возмутился Валдаев...

Фирма «Поможем!» пока существовала в одном лице. Валдаев был и учредителем, и гендиректором, и главным менеджером. Но со временем Саша планировал завести парочку помощниц – образованных и толковых. (*Примечание. Следует читать: хорошеньких и длинноногих.*)

«Поможем!» консультировала граждан, попавших в затруднительные ситуации. Сочетая юридические знания с навыками оперативно-разыскной деятельности (младые годы Валдаев провел в эпической роли оперуполномоченного), Саша ловко распутывал узлы человеческих отношений.

Но, кроме образования и опыта, главным подспорьем в его деятельности была невероятная коммуникабельность. За годы службы у него накопились дружеские контакты во всех областях народного хозяйства. Майор Здоровякин, к примеру, работал в облУВД, и любая просьба Валдаева (в рамках закона и этики) удовлетворялась молниеносно. Едва на пороге возникал очередной клиент, Александр видел, куда обратиться, чтобы решить проблемы страждущего. Тех, кто ждал от него криминальных безумств (например, выбивания долгов), он выставлял за дверь...

Посетитель появился в офисе ранним утром, Валдаев едва успел выпить две чашки кофе. Это был парень лет двадцати пяти, в длинном черном пальто. Его выющиеся волосы тоже были длинными и черными, а лицо бледным и нервным. Опытный физиономист Валдаев сразу же отнес юношу к творческой богеме – наверняка это был музыкант, или художник, или арт-директор ночного клуба.

– Дмитрий, – представился парень и протянул визитку. – Здравствуйте.

Его руки покраснели от холода – за окном было ветрено и морозно, лужи покрыты ледяной коркой.

«Дмитрий Штефан. Завод абразивных материалов. Специалист отдела сбыта, – прочитал на визитке Валдаев. – Хмм... Я почти угадал».

– Вы не могли бы заняться делом моей сестры Дины?

– А что случилось?

Саша налил из автомата кофе-эспрессо и поставил чашку перед обледелым юношей. Подумал – и налил себе тоже.

– Сахара нет. Не держу.

Саша уставился на клиента. Дмитрий Штефан обладал резкими, эффектными чертами лица. «А сестра наверняка куколка, – подумал Валдаев, маньяк сексуальный. – Что ж, раз девочка попала в беду, надо ей помочь».

– Так что же произошло? У вашей сестры фамилия тоже Штефан?

- Д-да... Дина погибла. Сорвалась со скалы.
- О-о-о, – протянул Валдаев, соболезнуя. – Она была альпинисткой?
- Нет. Я думаю, ее столкнули. Это определенно убийство.

Валдаев стукнул чашкой о стол. Он мгновенно утратил интерес к делу. С тех пор как Саша покинул родные стены облУВД и повесил в шкаф мундир с капитанскими погонами, убийства были не в его епархии.

- Займитесь, я вас прошу.
- Боюсь, это не в моей компетенции.
- Я готов заплатить. Скажите, сколько вы берете.

– Дим, слушай, ну правда не могу. – Валдаев приподнялся с кресла и похлопал парня по руке. – Хорошо, я тебе посоветую, к кому обратиться. Я понял, дело пытаются спустить на тормозах, а ты не хочешь, чтоб смерть Дины представили несчастным случаем.

- Да. Думаю, ее друг, у которого она жила, помог ей упасть с горы.
- Убить гада, – пробормотал Александр. – Где это произошло?

– В Саманкульском районе. Там в лесу у горы стоят коттеджи. В одном из них живет друг Дины. Но у него алиби на тот день, когда погибла сестра. А я не верю!

– У меня в райцентре как раз работает хороший знакомый – Сережа Воробьев. Толковый лейтенант. Позвони ему. Вот номер.

- Вообще-то дело закрыто.
- Уже?
- Ну... Ведь это произошло в марте.

Валдаев присвистнул. На улице гонял по асфальту белую крупку ледяной ноябрьский ветер. Приблизжалась зима.

- М-да... А что ж ты только сейчас зашевелился? Надо было раньше бить в набат.
- Я уезжал на стажировку в Шотландию. И вот вернулся. И зашевелился.
- Ясно. Только теперь трудно будет что-то доказать. Столько времени прошло. Но ты все равно позвони Сергею.

Спровадив бесперспективного клиента, Валдаев постучал клавишами компьютера, корректируя нужный документ. Нырнув в Интернет за какой-то информацией, он машинально напечатал в окне поиска «Дина Штефан». Наверное, чем-то его зацепила история бедной девушки, сорвавшейся с горы...

К удивлению сыщика, поисковая система отправила его на сайт модельного агентства «Звездная пыль», и там Валдаев нашел портфолио Дины Штефан. Девушка была великолепна. И очень похожа на брата. Поглядывая на дисплей, где застыла в изящной позе хрупкая, как статуэтка, Дина, Валдаев набрал телефон, указанный на сайте.

– Здравствуйте, меня заинтересовали фотографии Дины Штефан, – напористо начал он. – Как с ней встретиться? Хочу пригласить ее на съемки рекламного ролика.

В трубке долго молчали.

– А... Вы, наверное, посетили наш сайт? – сообразила, наконец, девица на том конце провода. – Ой, вы знаете... Наш сайт давно не обновлялся... И Дина... Ну, она у нас больше не работает.

- Она не оставила координат? Где ее найти?
- Нигде, – выдавила девица. – Дина трагически погибла...

Теперь, увидав фотографии красавицы Дины, Валдаеву и самому захотелось выяснить, была ли смерть девушки трагической случайностью, или кто-то подтолкнул ее к обрыву. И он позвонил в Саманкульский район лейтенанту Воробьеву.

- Слушай, Сергей, кто у вас занимался делом Дины Штефан?
- Я и занимался, Александр Владимирович, – отрапортовал лейтенант. – А что?

– Ко мне тут ее брат приходил. Не верит, что это несчастный случай. Жаждет справедливости.

– Ну, он молодец, опомнился.

– Он на стажировку уезжал. В Шотландию, – объяснил Валдаев. – Ну что там? Что там с другом Дины? Он ее толкнул? Или она сама упала?

– Ее друг, Лександр Владимирович, в тот день вообще уехал в город. Есть свидетельства. Да и не было между ними ничего такого, чтобы он ее с горы сбрасывал. Ну хоть какой-то мотивчик. Так нет же. Зато у Дины вместо крови в венах был ледяной мартини.

– Что, так много выпила?

– Прилично.

– Зачем же она пьяная полезла на гору?

– Потому и полезла, что пьяная. Проветриться, погулять. А там такая гора – с одной стороны пологая, с другой – резкий спуск. Постоянно кто-нибудь бьется.

– Жаль девушку. Красивая очень.

– Да, на фотографии, – согласился лейтенант Воробьев. – Но я ее видел уже в подпорченном состоянии. Увы.

– А сколько ей было?

– Двадцать три.

«Увы, увы, – повторил про себя Валдаев. – Была красавица, и нет ее. Всего двадцать три года. Ужасно».

И он занялся текущими делами. Через десять минут Саша и вовсе забыл про несчастную красавицу модель.

Глава 6

Удар, еще удар

Хмурый ноябрь как нельзя лучше соответствовал настроению Анастасии. День стремительно укорачивался. По утрам в темноте Настя брела на автостоянку, скользя тонкими каблучками по обледенелой земле. Вечером приходила в квартиру, все еще не обжитую, и не знала, куда себя деть. Незачем было готовить ужин, не с кем обсуждать телепередачи, некого целовать и обнимать.

Настя вспомнила о давно забытом увлечении графикой. Она беспрестанно чертила на бумаге, но то, что у нее получалось, почему-то напоминало страшные, вывороченные обрубки с картины Бэкона «Три эскиза фигур у подножия Распятия». Так она себя и ощущала. Серая тоска, как слон на куропатку, наваливалась на бедную Настю и давила так, что ныли кости. От знакомых она узнала о свадьбе Платонова. Однофамилец закатил грандиозный пир в ресторане «Картахена»...

В один из унылых осенних дней Анастасию, вяло раскладывавшую пасьянс на компьютере, вызвал к себе в кабинет директор «Люкс-Консалтинга» Георгий Бердягин.

– Что, Жора? – грустно поинтересовалась Настя.

– Я тебя увольняю, – обрадовал Жора.

Высокооплачиваемый и высокопрофессиональный специалист отдела маркетинга Анастасия Платонова задохнулась. Сердце внезапно перестало биться, легкие – качать воздух.

– Что? – не поняла она. – Почему?!!

– Ну, извини. Я понимаю, у тебя трудный период. Вы с Мишей разбежались. Но у меня свои проблемы. Мне нужно взять человека на твое место.

– Почему, объясни, пожалуйста! Зачем тебе брать человека на мое место?!

Во взгляде Георгия смешались жалость и презрение. Настя оцепенела: точно так же смотрел на нее Михаил, когда объявлял вердикт о расставании.

– Нам не хватает мощности. Объемы растут. В отделе нужен специалист.

– Разве я не опытный специалист? Разве ты не платишь мне за мой труд приличную зарплату?

Бердягин покраснел от негодования. Вероятно, он рассчитывал на деликатность Насти и надеялся, что она напишет заявление об уходе по первому требованию. Жоре не хотелось говорить ей гадости, но своим нежеланием признать очевидное Настя заставляла его расставить все точки над «i».

– Настя, ты такой же специалист в маркетинге, как мартышка в кораблестроении! – выпалил Бердягин. – Ты полный ноль!

– Я... я... – заморгала Настя. – Но я... я столько всего делала!

– Что? Что? Набивала цифры? Это чисто техническая работа. Я возьму двадцатилетнюю девочку на одну пятую твоего оклада, и она блестяще справится!

– Я старалась!

– Не смейся! Когда человек старается, это заметно. А тебя постоянно нет на рабочем месте. То ты на морском берегу, то на концерте, то в стоматологии зубки отбеливаешь, то по магазинам шастаешь! Оглянись! Все трудятся не поднимая головы, сидят до восьми, выходят в субботу. А ты помнишь, сколько раз за последний год брала отпуск без содержания? А сейчас? Три недели! Ты три недели отсутствовала!

– Но ведь у меня неприятности! – напомнила Анастасия.

– Неприятности! Она, видите ли, с Платоновым рассталась. А у главного бухгалтера, между прочим, дочь погибла в автокатастрофе. Остались два маленьких ребенка. И Валерия

Федоровна уже через четыре дня – четыре! – вышла на работу. А ты три недели оплакивала свое безумное горе!

– Что же ты раньше меня не увольнял? – прерывисто вздохнула Настя.

Георгий посмотрел на сотрудницу с недоумением. Он словно не понимал – на самом ли деле блондинка безмозгла, как курица, или искусно мимикрирует?

– Ты что, не в курсе?

– В курсе чего?! – с отчаянием спросила Настя.

– Миша попросил взять тебя на работу. Он мне сделал услугу. Я – ему.

– Что?

– Ты не знала? Нет, ты серьезно не знала?

– Я думала, меня здесь держат... потому что... потому что у меня способности в области маркетинга... непревзойденные... – пролепетала Анастасия.

Скандал с участием владельца «Люкс-Консалтинга» раздразнил ее щеки. Но сейчас к румянцу добавились нервные красные пятна.

– погоди. Я не понимаю. Настя, ты что, действительно ничего не знала?

– Да нет же! Наверное, у меня завышена самооценка. Я не сомневалась в своих профессиональных качествах. Думала, ты меня ценишь. Дай бумагу, я напишу заявление.

– Постой. Опытного маркетолога я все же возьму в штат. А тебя давай-ка перебросим в отдел стратегического планирования. Будешь заниматься тем же – вводом информации. Но зарплату, конечно, придется урезать на две трети, в соответствии со штатным расписанием. И теперь – никаких отпусков и отгулов!

– Спасибо, Жора. Наверное, мне лучше поискать что-то другое, – не поднимая глаз, пробормотала малиновая Настя. Ее самолюбие было уязвлено.

– Ладно, устройшься куда-нибудь. Ты кто по образованию?

– Искусствовед, – чуть слышно сообщила Настя. – Только я не доучилась... Два года.

– Хмм, искусствовед... Это, конечно, круто... Знаешь, я выплачу тебе выходное пособие и подъемные.

– Спасибо, Жора. Ты всегда был добр ко мне...

«Нехорошо получилось, – подумал Бердягин, провожая Анастасию. Та выглядела несчастной. – Словно ребенка обидел. Маркетолог она, безусловно, хреновый. Зато красавица. И человек хороший...»

Потерянная, ошарашенная, Настя брела по улице. Она поднимала плечи и прятала лицо в песцовый ворот кожаного плаща. Было ужасно холодно.

«Что происходит? – думала она. – Я считала, что любима, – меня выкинули, как перчатку. Я полагала, что являюсь крепким профессионалом, – меня пинком выставили на улицу. Бердягин держал меня в конторе только из пиетета к Михаилу. Теперь я Платонову никто, и Жора от меня избавился. Но разве я совсем бесполезна? Ведь чему-то научилась за годы работы! Что же я собой представляю на самом деле? Кто я?...»

Вдруг Анастасия вспомнила, что двумя этажами выше располагается офис конкурентов. «Люкс-Консалтинг» не раз переманивал клиентов у компании «Макс-Консалт». «Макс-Консалт» изо щренно мстил. Когда владельцы конкурирующих фирм сталкивались в лифте, они приветствовали друг друга улыбками, полными сарказма.

Настя решительно развернулась на сто восемьдесят градусов и зашагала в сторону только что покинутого здания.

В маркетинге ты полный ноль.

Ты полный ноль.

«Нет, я не сдамся без боя!» – беззвучно воскликнула Анастасия.

– Здравствуйте, у вас нет вакансий? – напала она с томагавком на менеджера по персоналу. – Я маркетолог. Имею колоссальный опыт работы.

Дама лет пятидесяти пристально рассматривала Настю секунд тридцать.

– Давайте резюме, – кивнула она.

– Что?

– Ваше резюме.

– А у меня... нет, – растерялась Настя.

– Это странно, – презрительно поморщилась дама. – Вы пришли устраиваться на работу и не захватили с собой резюме? Ладно. Какое у вас образование?

– Я училась в Гуманитарном институте на факультете искусствоведения, – пробормотала Настя, понимая, что и этот ее ответ вызовет волну презрения. – Но это не важно! Я долго работала маркетологом, я отлично разбираюсь...

– На какую же вы претендуете зарплату? – усмехнулась мадам. Такая усмешка подошла бы гюрзе или анаконде. Кадровичка демонстративно осмотрела плащ Анастасии, ее сумку из кожи питона, сапоги... – Думаю, мы вряд ли сумеем удовлетворить ваши амбиции. И потом, все вакансии заняты...

Пронзительный ветер насмешливо плюнул в лицо Насти. Люди пробежали мимо, кутаясь в шарфы и капюшоны. В воздухе беспорядочно и зигзагообразно метались редкие снежинки, так же метались и мысли в голове Анастасии. Кто-то злой и беспощадный вытаскивал из-под ее ног кирпичики – один за другим, и она, лишенная опоры, проваливалась в вязкое болото унижения.

Что еще о себе я должна узнать?

В чем еще разочароваться?

Настя уставилась в зеркальную стену какого-то офиса. Из пушистого воротника выглядывали большие, сверкающие от слез глаза.

«Модельное агентство «Звездная пыль», – прочитала она вывеску. И тут же немного приободрилась. – О, надо попробовать! Здесь-то мне точно не откажут!»

Ее попросили подождать, и, пока Настя сидела на диване, чудесные видения обступили ее. Модельный бизнес – ее стихия. Поездки, фотосессии, наряды, трепетная забота о внешности... Ей не придется менять отношение к себе, она просто будет делать то, что всегда ей нравилось! А когда на рекламных щитах появится изображение Настиного лица, когда она начнет мелькать в рекламных роликах ТВ – Платонов поймет, как жестоко ошибся!

Нет, она, естественно, не рассчитывает на Париж или Нью-Йорк. Но в родном провинциальном городе она вполне способна стать звездой рекламы!

– Здравствуйте, вы к нам? – мило встретила ее женщина в ярком костюме бирюзового цвета. – Давайте на вас посмотрим. Разденьтесь. Пройдитесь.

Настя сняла плащ и начала усиленно дефилировать туда-сюда перед бирюзовым костюмом. Она была на сто процентов уверена в собственной неотразимости. Неожиданное сочетание светлых волос и карих (а в момент гнева или боли – черных) глаз всегда производило эффект. Сейчас Настины волосы блестели, кожа была безупречна, и она недавно отбелила зубы – чего и не простил ей Бердягин.

– Что ж, неплохо, – кивнула бирюзовая женщина. – А сколько вам лет?

– Девятнадцать, – не моргнув, ответила Настя. На столько она и выглядела. Да, пришлось соврать, отдав дань торжествующему культу молодости.

– Вы лукавите, – мягко улыбнулась женщина. – Двадцать семь с половиной. Я угадала?

– Двадцать восемь, – убито призналась Настя. Она полагала, ее возраст – тайна для окружающих.

– У меня наметанный глаз. Не знаю, какие мотивы побудили вас обратиться в наше агентство. Ведь не секрет – карьера модели начинается лет в четырнадцать.

– Да, конечно. Но четырнадцатилетних девочек в основном приглашают для рекламы крема от прыщей. А промышленность нашей области выпускает множество других товаров.

– Вы правы. И все же. Если хотя бы двадцать один... Извините, моя дорогая, но природа неумолима. Уже через год от вашей свежести не останется и следа.

– Вы заблуждаетесь.

– Но вас мы не примем.

– Если честно, я рассчитывала на работу стилиста, – поспешно сдала позиции Настя. «Дура, какая дура! Куда я сунулась со своей двадцативосьмилетней физиономией!» – Я закончила трехмесячные курсы и разбираюсь в модных тенденциях. У меня отличный вкус и...

– Трехмесячные курсы – это развлечение для домохозяек, – отбрила дама. В ее голосе послышался металл. Очевидно, Настя вторглась на ее территорию, и дама не отдала бы без боя ни пяди профессионального пространства. – Что ж... Вкус у вас, несомненно, есть...

Настя удовлетворенно кивнула.

– ...но такой свитерок, например, я бы этой зимой не надела.

– Это свитер от Миссони!

– Я знаю. И он из коллекции двухлетней давности.

– Но это же Миссони! – с благоговением повторила Настя так, будто говорила о картине Веласкеса или Караваджо: словно изделие, освященное лейблом Missoni, было из разряда вечных ценностей.

– Я не собиралась указывать вам на огрехи в наряде, – пожала плечами бирюзовая дама. – Но если вы претендуете на звание стилиста, то нужно преподносить себя в соответственной упаковке, а не рядиться в устаревшие модели...

Агентство «Звездная пыль» нанесло очередной удар по самолюбию Анастасии. Рушились последние столпы ее уверенности в себе. То, в чем она никогда не сомневалась, – внешность и экипировка – было подвергнуто критике. «Приехали, – сказала Настя. – Я немолодая женщина со следами былой красоты на лице, одетая в старье. Ну, спасибо!»

Вечер она провела в тупом оцепенении перед телевизором.

Глава 7

Денежный вопрос

К концу года финансовые проблемы встали перед Настей в полный рост. Она не привыкла экономить и поэтому быстро растратила свой Стабилизационный Фонд – деньги, выплаченные Бердягиным при увольнении. Все постоянно кончалось: машина требовала бензина, Настин организм – привычных продуктов и услуг.

Она всегда пила на завтрак свежевыжатый грейпфрутовый сок. Выяснилось, что грейпфруты стоят немало! Крем Estee Lauder по семьдесят долларов за баночку подходил к концу, а пользоваться менее дорогими препаратами Настя считала издевательством над лицом. Журналы для прогрессивных девочек – «Шейп», «Вог», «Эль» – требовали ежемесячных трат. Закончился абонемент в фитнес-клуб, а новый она так и не купила.

Настя начала изыскивать дополнительные источники средств. Она решила избавиться от лишнего тряпья, тем более что в модельном агентстве ей раскрыли глаза на истинную ценность ее гардероба – в нем все утратило актуальность.

Конечно утратило! Ведь по идее сейчас бы Насте отправиться в Европу на грандиозные рождественские распродажи. Два года назад она так и сделала и вернулась домой с чемоданами, туго набитыми кашемиром и шифоном. Платонов, правда, долго хватал воздух ртом, когда узнал, сколько она истратила...

Парижские магазины растаяли в туманной дымке. Настя заполнила купоны в газету «Из рук в руки» и стала ждать, когда к ней выстроится очередь. Не тут-то было! Городские модницы почему-то игнорировали возможность обогатить закрома воплощенным гламуром. Загадочный факт – никто не рвался приобрести норковую шубу с капюшоном. Настя недоумевала. Она запросила ничтожную сумму – ей самой эта шуба когда-то обошлась гораздо дороже!

Не нашлось покупателей и для остальных вещей. Например, яркий топ, купленный за триста долларов, Настя была готова уступить за полцены.

– Что вы! – возмутилась одна из потенциальных покупательниц. – С какой стати?

– Это дизайнерская вещь. Видите, лейбл.

– Да такие этикетки продаются в любом швейном отделе! Купи и присобачь куда угодно. Хоть к заднице пришей и наслаждайся – дизайнерская, мол, у меня задница!

Настя вырвала драгоценный топ из рук хамки.

– Точно такой же на рынке стоит от силы тысячу, – заметила обидчица. – Рублей, а не долларов! Ну хорошо, пятьдесят баксов отстегну. Согласна?..

Настя попыталась продать стенку. Жуткий монстр, купленный Платоновым, очевидно, впопыхах, занимал половину комнаты. Сооружение из ДСП страшно раздражало Анастасию. Она умела рисовать, разбиралась в живописи (почти искусствовед все-таки!) и поэтому считала себя профессионалом в смежных областях – в частности, в интерьерном дизайне. Она приглядела в магазине более легкую, современную конструкцию (25 тысяч рублей).

За стенку предложили три тысячи.

– Но она ведь абсолютно новая! – возмутилась Анастасия.

– Сейчас – да. А когда довезем, из нее половина шурупов повылетаёт. Это же дрова, а не мебель. Соглашайтесь...

– А я с чем останусь? С тремя тысячами?

...Итак, все, с чем Платонов выпустил в одиночное плавание подругу, было невозможно превратить в деньги. Ах да, у Насти еще оставался автомобиль и немного драгоценностей. Но потерять средство передвижения Настя не согласилась бы ни за что на свете. А за любимые

украшения – даже если б она и решила с ними расстаться – она не выручила бы и четверти их стоимости.

Настя в растерянности осмысливала свое финансовое положение и начинала тихо паниковать. Пришлось пересмотреть некоторые принципы. Свежевыжатый грейпфрутовый сок был сначала заменен на пакетированный, затем вовсе устранен из меню. Глянцевые журналы привычно манили яркими обложками сквозь витрины киосков, но и от них пришлось отказаться.

– Что же мне делать вечером?! – горевала Настя. – Что читать?

Днем она рыскала по городу в поисках работы, но зимние вечера были тоскливы и мучительно одиноки. Звать в гости старых знакомых Настя не хотела – все ее подруги являлись женами Мишиных партнеров и наверняка уже подружились с новой возлюбленной Михаила. Смотреть бесконечные сериалы по телевизору или леденящие кровь сводки новостей тоже было противно.

Настя достала из коробки кипу прошлогодних дамских журналов. И тут выяснила, что утратила способность радостно внимать их мудрым советам («Приготовьте для партнера настой из молока верблюдицы и плодов фейхоа. Это значительно усилит его потенцию»... «Приглядитесь, куда направлены носки его ботинок. Если на вас – будьте уверены: он к вам неравнодушен!»).

– Странно, а раньше я млела от восторга и предвкушения, когда брала в руки новенький номер. Не понимаю, что произошло. Половина статей – бред, остальные – детский лепет. И из номера в номер одно и то же – оргазм, дресс-код, романтические свидания.

– Очевидно, Платонов основательно врезал тебе по мозгам, если в твоей голове произошли такие серьезные тектонические сдвиги, – предположила Мария. – У тебя болит душа и все чувства обострены. И от этой боли ты стала старше и взрослее.

– Но что же мне читать?

– Почитай «Анну Каренину», – предложила Маша.

– Ты серьезно?

– Можно вслух.

– ?!!

– Думаю, тебе понравится. Мне очень понравилось.

– Как это ты нашла время для «Анны Карениной»?

– Илья зачитал мне пару страниц. Вернее, абзацев. Классно!

– Илья читает «Анну Каренину»?!! – изумилась Настя.

– А что ты так удивляешься?

– Не представляю себе майора милиции, который по вечерам читает Толстого.

– Зря. А что, по-твоему, читают по вечерам майоры?

– Ну... – задумалась Настя. – А! Этикетку «Горячей кружки «Магги»! По слогам.

– Так вот, моя дорогая. Майор Илья Здоровякин по вечерам, в редкие минуты затишья, берет с полки «Анну Каренину». А твоя голова забита бредом из глянцевых журналов! И очень даже хорошо, что теперь у тебя нет возможности скупать их тоннами!

В голосе Марии звучала обида. Принижение образовательного уровня и интеллекта ее мужа оскорбило программистку.

– Да ладно. Не нервничай. Молоко пропадет, – улыбнулась Настя.

– Ладно, оставим в покое «Анну Каренину». Возьми Марину Цветаеву. Как раз тебе под настроение: «О, вопль женщин всех времен: / «Мой милый, что тебе я сделала?!»

– У нее прямо так и написано?! – У Насти загорелись глаза.

– Так и написано. «Жить приучил в самом огне,/ Сам бросил в степь заледенелую!/ Вот что ты, милый, сделал мне!/ Мой милый, что тебе – я сделала?». Гениально, правда?

Марина Цветаева попала в самую точку. Та же трагическая мелодия звучала сейчас и в сердце Анастасии.

– Держи! – Мария вложила книгу в руку подруги. – Постарайся не измазать повидлом, если будешь одновременно жевать круассан.

– Круассаны у нас ешь только ты. Я к ним и не прикасаюсь, – парировала Настя и прижала к груди томик стихов...

Итак, она поставила крест на многих привычках.

Многодолларовый крем (отказ от него, безусловно, влек за собой отмирание эпидермиса и даже псориаз) был заменен дешевой продукцией неизвестной российской фирмы.

– Наковыряй там из баночки, – махнула Маша рукой в сторону ванной. – Свекровь принесла. Хорошая штука.

Через неделю, разглядывая в зеркале румяные щеки, ничуть не пострадавшие, а даже посвежевшие, Настя впервые подумала, что год за годом она тратила огромные деньги, мягко говоря, нерационально.

На вишневую «нексию», раньше вонзавшую в ее самолюбие металлический прут, она теперь смотрела с нежностью. Машина работала исправно, не ломалась, не капризничала, заводилась в мороз...

Усмиряя желания, отказываясь от привычного, Настя вдруг почувствовала, как ее захватывает новый всплеск обиды. Она начала оценивать и взвешивать «богатства», которыми теперь владела, и сравнивать их с тем, что осталось у неверного сожителя.

У Платонова осталось немало.

1. Огромная квартира в центре города с шикарной мебелью и паркетом.
2. Летний загородный коттедж (два этажа, бассейн, фруктовый сад).
3. Новенький «лендкрузер».
4. Счета в банках (городских и европейских, Настя не знала точно).
5. Много чего еще!!!

Когда Платонов предложил ей жить вместе, она продала однокомнатную квартиру, оставленную родителями. Настя была уверена – свадьба не за горизонтом, и поэтому не цеплялась за частную собственность. Она в клюве принесла вырученные деньги милому другу. И Михаил вложил средства в бизнес.

– Надо подсчитать, какие дивиденды тебе полагаются, – желчно заявила Мария. – Ты продала квартиру. Получается, ты дала ему в долг! Нет, ты соучредитель его компании! Надо требовать проценты!

– Да, его бизнес процветает.

– Анастасия, не лапши! Тебе причитается! Пусть платит дивиденды! Он перед тобой в долгу! – жадно требовала Маша.

Настя уныло моргала. Она не ощущала в себе достаточной твердости отвоевывать свои деньги. Она привыкла тратить, а не зарабатывать. То, что Настя получала в «Люкс-Консалтинг», не стоило ей особого напряжения. И, не изведав вкуса денег, добытых истинным трудом, она не ценила их настолько, чтобы кидаться из-за них в драку.

Тем более Анастасия подозревала: теперь Платонов не даст ни копейки. В их союзе он играл роль мощного дуба, а она была гибкой лианой. Она всегда подчинялась его решениям. И если за это время Платонов не попытался улучшить ее материальное положение, значит, он полагает, что сделал для подруги достаточно. Купил ей квартиру...

– Квартира! – напомнила Настя. – Тогда я продала однокомнатную. А сейчас он мне ее вернул. Я в исходной точке пути.

– Значит, все достанется рыжеволосой стерве, – вздохнула Мария. Она считала себя обворованной.словно сама корову проиграла. – Как жаль, что у вас был гражданский брак. Иначе мы бы потребовали раздела имущества. И бизнеса.

– Не знаю...

– Что ты не знаешь! Ты пять лет варила ему борщ, гладила рубашки, делала массаж. Мне даже страшно представить, какие еще безумства ты творила, чтобы угодить этому деспоту!

– Гладила носки, – кротко кивнула Настя.

– Носки?!! Гладила?!!

Маше стало плохо. Говоря про безумства, она имела в виду что-нибудь из области секса. Но полученная информация сразила Машу наповал. Гладила носки! О подобном извращении Мария слышала впервые.

– Подожди, подожди, – замахала она руками. – Я теряю сознание. Настя! Ну нельзя позволять так себя использовать!

– Он меня не использовал! Все, что я для него делала, я делала с удовольствием. И он для меня тоже делал многое...

Тут Анастасия кое о чем вспомнила:

– Слушай, а ведь он предлагал мне деньги.

– Когда?

– Когда привез в эту квартиру. Вот столько. – Настя показала большим и указательным пальцами толщину пачки.

– Долларов?

– Да, долларов.

– А почему не евро? Доллар-то падает! И что дальше? Где деньги?

– Я швырнула их ему обратно.

– Нет!

– Да! Ты подумай, я же была в шоке! А он словно пытался от меня откупиться!

– И?..

– Что «и»?

– Как их теперь вернуть?

– Никак, – поджала губы Настя. – Не пойду же я просить обратно эти деньги.

– А там, наверное, было много... Как ты думаешь, сколько?

– Не знаю, – дернула плечами Настя. – Сколько бы ни было, мне теперь все равно. Они мне не достанутся. Ну и пусть. Обойдусь...

...Весь декабрь, барахтаясь в сугробах, Настя искала работу. С помощью Марии она нарисовала резюме. Честно говоря, это было не резюме, а слезы хед-хантера. Ничто в Настиной характеристике не заставило бы работодателя алчно облизнуться.

О чем мечтает работодатель? Чтобы его сотрудники:

а) имели гарвардское образование;

б) владели компьютером на уровне продвинутого IT-специалиста из Силиконовой долины;

в) управляли личным автомобилем;

г) способны были поддержать тридцатиминутный диалог с Кондолизой Райс на ее родном языке;

д) согласились бы на пятнадцатичасовой рабочий день;

е) горячо благодарили бы, получая сто долларов в месяц.

И только в случае, если кандидат соответствует вышеперечисленным требованиям, он достоин вести делопроизводство в мебельном цехе или упаковывать пончики в одноразовую тару.

– С ума сойти, – возмущалась Настя. – Пусть у меня незаконченное высшее...

– Незаконченное? Скорее – едва начатое! – безжалостно поправила Мария.

– ...но я ведь умная! И хочу работать! Мне нужны деньги!

Проблема заключалась в том, что фирмы, предлагавшие конкурентоспособную зарплату, вовсе не жаждали видеть умную блондинку в рядах персонала. Наверное, сказывался стереотип

восприятия. Но перекрашивать волосы в темные тона, чтобы расстаться с образом «блондинки с бюстом», Настя категорически не желала.

– Картинная галерея «Фонтенуа», – прочитала в газете Мария. – Твой профиль. Ты без пяти минут искусствовед. Завтра же отправляешься туда. А вдруг?

Глава 8

Битва при Фонтенуа

Дверь кабинета приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулась сотрудница – пожилая, упитанная дама. Директор (и собственница) картинной галереи «Фонтенуа» Вероника Владимировна Шум с легким раздражением перевела взгляд с монитора компьютера на подчиненную.

– Что?

– Там одно очаровательное белокурое создание требует встречи. Хочет у нас работать. Вот такие глазищи. И очки от Chanel. А еще – шикарная норковая шуба.

– Гони. – Вероника пренебрежительно махнула рукой.

– Да я уже объяснила, что у нас зарплаты-то небольшие, – уколола шпилькой толстуха. – Маленькие у нас зарплаты. А она все не уходит.

– Вакансий нет, – нахмурилась Вероника. И вновь уткнулась в дисплей.

Ей совершенно некогда было разговаривать. Только-только миновало стихийное бедствие – Новый год. А теперь близилось православное Рождество. Для Вероники, всегда находящейся в эпицентре светской тусовки, это было тяжелое время.

Во-первых, бесчисленные поздравления и подарки.

Во-вторых, детский рождественский праздник. Уже стало традицией приглашать «золотых» детей города на сказочное представление в «Фонтенуа». Внуки мэра и губернатора, отпрыски успешных предпринимателей и руководителей промышленных предприятий каждый год веселились на рождественской елке, а мамы элитных малышей блистали нарядами и обменивались новостями. Мероприятие требовало капитальной подготовки.

В-третьих, Вероника планировала этой зимой устроить персональную выставку Андрея Атаманова. За четыре года сотрудничества галеристка основательно намучилась со своенравным художником. Но если честно, и заработала немало на своем *enfant terrible*³.

Атаманов предоставил тридцать пять новых полотен и десять коллажей, выполненных в манере, отсылающей эстетов к синтетическому кубизму. «Темп работы как у Пикассо! – изумлялась Вероника. – И какой оригинальный взгляд на вещи!»

Да, самобытностью восприятия Атаманов соперничал с пятилетним ребенком. Это отражалось в его картинах – они притягивали взгляд. Хотя, если задуматься, разве у современного живописца есть шанс открыть нечто новое? Ведь вокруг – мириады таких же молодых и амбициозных, а из прошлого буравят взглядом классики с их монументальным наследием. Но Атаманову, как ни странно, все удавалось. Он был свеж и неповторим.

И ужасно неорганизован! На днях украл у Вероники целых четыре часа! Тут каждая минута на счету, а этот несносный шалопай... Она поехала к нему – художник жил за городом, в разноцветном «пряничном» домике у подножия горы, – собираясь обсудить детали выставки. И ей пришлось битый час сигналить у ворот. Этот охламон, видите ли, нацепил наушники и под музыку лупил боксерскую грушу. Его любимое занятие. Он был твердо уверен, что артиллер не приедет раньше семи.

– Уже девять! – предъявила часы Вероника.

– О! – только и произнес негодяй. Темные пряди волос прилипли к разгоряченному лицу, на рваной футболке проступили пятна пота. – Тогда с меня коньяк!

³ Ужасный ребенок (*фр.*).

Вероника не любила коньяк. «Но ведь талантище! – подумала она. – А при умелом пиаре – гений...» Умелый пиар вот уже четыре года она брала на себя. Их сотрудничество имело коммерческий успех.

– Ах ты! – спохватилась Вероника. Как всегда, мысли о художнике вырвали ее из действительности. Десять минут были потрачены впустую! А у нее столько забот!

«Как мило, – меланхолично размышляла Анастасия, разгуливая по залу галереи. – Даже не пустили к директрисе! Вакансий нет».

Она спрятала в сумку очки в прямоугольной черной оправе – надела их сегодня для солидности – и стала рассматривать картины.

«Интересно, галеристика – выгодный бизнес? Или это не бизнес, а развлечение для богатой дамочки? Кто она такая, Вероника Владимировна? Жена капиталиста?»

– И это продается? – спросила Настя у булочнообразной сотрудницы, обрадовавшей ее известием, что «мест нет».

– Хотите приобрести? – удивилась толстуха.

– Сейчас нет. Но хорошо ли продаются эти картины?

– Нормально, – кивнула сотрудница. – По-разному. Смотря кто автор.

– Неужели они чем-то отличаются, – засмеялась Анастасия. Уж в сфере современного искусства она ориентировалась прекрасно. Так, по крайней мере, считала. Ни одно полотно, выставленное в зале, по ее мнению, не претендовало на оригинальность.

– А вы идите сюда. Сюда, сюда. Вот, смотрите.

– Ммм, – застыла Настя. – Кто это? Андрей Атаманов, – прочитала она.

– Нравится?

– Да, пожалуй... Удивительно, как ему удастся добиться такой прозрачности цвета, сохранив его интенсивность? Хмм... Да, эта картина меня чем-то притягивает.

– Тридцатью тысячами евро она притягивает.

– Простите?

– Она стоит тридцать тысяч! – с гордостью повторила служительница галереи.

– Ничего себе! Неужели кто-то купит?

– Обязательно. Какой-нибудь коллекционер, ценитель искусства.

– Ах, ну да. Чем серьезнее пробоина в бюджете коллекционера, тем острее он почувствует, какой бесценный шедевр приобрел. А этот Атаманов... Он что, знаменит?

Имя художника ни о чем ей не говорило. Вот если бы под картиной значилось «Нольде» или «Поллок», Настя пусть и с трудом, но вспомнила бы, чему ее учили в Гуманитарном институте.

– Вы незнакомы с творчеством Атаманова? – всплеснула руками сотрудница.

– Нет, – вздохнула Настя.

Как ни грустно было признавать, но в последние годы она пристально знакомилась только с творчеством известных кутюрье. И штудировала не Фолкнера или Гессе, а модные романы, рекомендованные к прочтению дамскими журналами и обычно совершенно никчемные.

– Атаманов... Он откуда?

– Наш земляк. Но выставляется и в Москве, и даже в Европе. Вероника Владимировна занимается карьерой Атаманова.

– Его персональная Гертруда Штайн⁴.

– Не поняла?

– К слову пришлось. Скажите, а Вероника Владимировна так ловка в части продвижения талантов?

⁴ Штайн Гертруда – американская писательница, помогавшая Пикассо и Матиссу в начале их карьеры.

– Вероника Владимировна – гений. Она прирожденный арт-дилер. И «Фонтенуа» – ее собственность.

– Муж, наверное, подарил?

– С какой стати? Муж здесь ни при чем. Вероника Владимировна создала ее своими руками. Десять лет назад открыла маленький художественный салон. Дела пошли. И сейчас мы, тьфу-тьфу, процветаем.

– Но на вашей зарплате это не особенно сказывается, – напомнила Настя.

– Да, – вздохнула сотрудница. – Но я не жалею!

Анастасия замолчала. Она рассматривала картины Атаманова и одновременно сопоставляла жизненные успехи Вероники Владимировны с собственными. У той, вероятно, тоже было художественное образование. Она бы не занялась галеристикой, если бы не разбиралась в направлениях и стилях живописи. А Настя бросила вуз после трех курсов, уверовав в бесперспективность выбранной профессии. Достижения Вероники Владимировны утверждали обратное.

«С Вероники Владимировны наверняка осыпается краска и падают запчасти, – злорадно подумала Настя. – А я молода. Прямо сейчас начну шевелиться и к ее годам превращусь в успешную леди!»

– А сколько лет вашей начальнице? – небрежно поинтересовалась Настя. – Наверное, за пятьдесят?

– Да что вы! Ей всего тридцать два...

«Тридцать два! – ужаснулась Анастасия. – Вот так! Мне скоро двадцать девять, и я никто. А она владеет шикарной галереей и ловко впаривает богачам картины стоимостью тридцать тысяч евро! У нее опыт, связи. Наверняка частенько бывает и в Тейт, и в Стеделийк⁵. А я четыре года оттрубила в отделе маркетинга и не приобрела абсолютно никаких знаний. Удостоилась от Бердягина звания тупой мартышки. Чем же я занималась все эти годы?»

И Настя застыла на месте – а она уже вышла на улицу, – вычисляя правильный ответ. Да, объясните, чем она занималась все это время? Ведь не училась, не делала карьеру, не выращивала ребенка... И самые ценные годы – годы здоровья, молодости и оптимизма – растворились в прошлом, не принеся никакой пользы ее будущему.

– О-о, – удрученно прошептала Настя. – Вспомнила... Я готовила ужин, делала массаж и исполняла танец живота. Вот чем я занималась!

Сравнив себя с владелицей галереи, Анастасия испытала отчаяние – от Вероники Владимировны ее отделяла глубокая пропасть.

Но между ними было кое-что общее. Настя не знала, но за внешним благополучием и богатством Вероники таились подавленность и растерянность, – как и в сердце Анастасии. Полгода назад хозяйка «Фонтенуа» развелась с мужем. Сейчас ее жизнь была всецело заполнена другим мужчиной. Но он не принадлежал Веронике, и ее страсть была мучительной и неудовлетворенной...

Она, как и Настя, не торопилась домой – дома никто не ждал. Поэтому Вероника запланировала на восемь вечера визит в салон. Она ударно поработала и надеялась хорошенько расслабиться благодаря шоколадному обертыванию и манипуляциям умелого косметолога.

Включив сигнализацию и опустив жалюзи на окнах галереи, Вероника вышла на улицу. В лицо ей пыхнуло морозным воздухом, засыпало игривыми снежинками. По обе стороны от входа Вероника распорядилась украсить деревья гирляндами, как на Елисейских Полях. Сейчас сотни крошечных огней сияли и перемигивались, создавая праздничное настроение.

⁵ Тейт – галерея в Лондоне; Стеделийк – музей в Амстердаме.

Было невероятно скользко. Балансируя, Вероника добралась до припорошенной снегом машины. У нее был элегантный паркетный джип. Автомобиль соответствовал характеру хозяйки – такой же пробивной и целеустремленной.

Проехав всего десяток метров, Вероника притормозила у красного светофора. Машину увело в сторону на обледенелой дороге, и джип ткнулся симпатичной мордой в бампер серебряной «короллы».

«Черт! – подумала Вероника. – На массаж я точно опоздаю».

Четыре месяца Валдаев, сгоняя килограммы, занимался физкультурой. Он взял у Здоровякина гири, штангу, скакалку и вскоре основательно «подсел» на здоровый образ жизни. Теперь он не мыслил себя без ежедневной физической нагрузки. А раньше издевался над Илюшей за его экзерсисы со штангой.

Мышцы Валдаева налились силой и заметно прибавили в объеме. От природы неугомонный, сейчас он и вовсе не мог усидеть на месте – пульсировал, играл.

Кроме темперамента, его порывистость объяснялась и другим фактором: после расставания с Джессикой у Валдаева наступила полоса воздержания. Заботы с фирмой не оставляли времени на девушек. Поэтому в данный момент Валдаев представлял собой сгусток энергии и нерастраченного пыла...

И вот на светофоре его драгоценная «королла» получила под зад.

– Разорву! Убью! Размажу! – прорычал Валдаев, вылетая из машины. Он жаждал битвы. Бряцал копьем, звенел кольчугой. Он явственно ощущал покалывание в костяшках пальцев – ладонь непроизвольно сжималась в кулак и требовала драки.

Но прежде он, конечно, удостоверился в том, что его новенькому автомобилю нанесен колоссальный вред. Хммм... Особых повреждений не наблюдалось. Элегантный зад серебряной красотки остался невредим. Но какому риску она подверглась!

Саша ринулся к джипу, налетевшему на «тойоту-короллу». Неумелый автолюбитель, очевидно подозревая неадекватность Валдаева, не спешил выходить из машины. Мягко отъехало вниз тонированное окно. Симпатичная светлоглазая брюнетка с вызовом посмотрела на сыщика.

– Что там у вас? – презрительно оттопырив губку, спросила она. – Бампер? Сильно? Ой, ну что за напасть... Вы, вообще, могли бы не стоять под светофором так... так...

– Как?!

– Так ровно! – возмутилась Вероника. – Стояли бы немного боком! Тогда я бы прошла по касательной.

– По касательной? – уточнил Валдаев. Он улыбнулся.

– По касательной!

Александр захохотал. Хорошенькая брюнетка смотрела на него с недоверием. Она ведь тоже готовилась – если не к драке, то хотя бы к тяжелому нравственному противостоянию. А потерпевший ржал, как лошадь Македонского.

От гнева Валдаева не осталось и следа. Нужно было его знать! Увидев милое личико, белую шею в пушистом вороте расстегнутой куртки, он простился с ролью буревестника, вызывающего к буре, и превратился в пылкого юношу.

Брюнетка наконец-то соизволила выйти из автомобиля. Пока она выбиралась, Валдаев совершенно развеселился. На его щеках играли ямочки, в глазах сияли огни. Он увидел дичь и сделал стойку.

– Что? – с подозрением посмотрела на участника ДТП Вероника. – Вы не сердитесь? О, тут вмятина!

– Где вмятина?

– Вот.

И действительно, бампер автомобиля едва заметно деформировался. Для автолюбителя это было настоящим горем, учитывая, что «королла» находилась в грудничковом возрасте.

– Да ерунда! – махнул рукой Валдаев.

Умная девица лелеет единственную шубу, но в гостях небрежно сбрасывает доху на руки поклонников, якобы совсем не заботясь о ней. Так и Валдаев... Он не показывал, каким трудом далась ему эта «королла». Словно имел целый парк автомобилей и сегодня выехал в город на самом заурядном.

– Не видно же. И ладно. Мелочи.

– Какой вы... – удивилась Вероника. – Необычный!

– Разве?

– Другой на вашем месте изошел бы слюной, оглашая окрестности воплями и проклятиями. Представляю, *что* я бы услышала! Что купила права, что не умею ездить, что женщине место у плиты, а не за рулем автомобиля!

– Ну, я так не считаю. Вы отлично смотрите за рулем этой машины.

– Вы серьезно?

– Абсолютно. И потом... Гололед! Я же понимаю!

– Вы не перестаете меня удивлять. Вы снисходительны к чужим промахам.

– Пойдите, а ведь это вы сейчас выходили из галереи?

(Валдаев как раз поравнялся с «Фонтенуа», когда Вероника опускала жалюзи. Он не видел лица женщины, но успел отлично рассмотреть ее ноги. Несмотря на мороз, хозяйка галереи щеголяла в юбке чуть выше колена и сапогах, изящно обтягивающих голени. Валдаев даже ощутил смутное томление. Вероятно, его восхитила идеальность форм. Природа талантливо поработала с телом Вероники – как Модильяни с портретами любовниц – четкие линии, безукоризненная гармоничность.)

– Да.

– Вы там работаете?

– Работаю.

– Кстати, давайте познакомимся. Александр Валдаев, – представился Саша. – Так, минутку, у меня есть карточка.

– Вероника Шум, – ответила Вероника. – И у меня тоже есть визитка.

Они обменялись картонными прямоугольниками, отражающими степень самовлюбленности владельцев. Визитка Валдаева сияла золотом и голографическими знаками в вечернем свете фонарей. Единственным украшением Вероникиной карточки являлось слово «Фонтенуа», нарисованное художником Атамановым – он сделал это очень талантливо.

– Ну надо же, какое совпадение, у нас одинаковые отчества! – буйно обрадовался Валдаев, так, словно выиграл в лотерею миллион долларов.

– Фантастика! Согласитесь, не так уж часто встречаешь человека с отчеством Владимирович! – с издевкой произнесла Вероника. – Президент да мы с вами.

Валдаев вертел в пальцах визитку новой знакомой.

– Что же вы, работаете на износ? Уже девятый час! Начальство эксплуатирует?

– А я и есть начальство. Это моя галерея, – не без гордости ответила Вероника. – Поэтому мой рабочий день не ограничен.

– Ого! И что, это прибыльно?

– На жизнь хватает.

– У меня тоже фирма, – отрекомендовался Валдаев. – Называется «Поможем!». С восклицательным знаком.

– Да-да, я прочитала. «Поможем!»... Ясно. Мелкий бытовой ремонт? Повесить люстру, починить кран...

– Точно, – усмехнулся Валдаев.

– Понятно. – Вероника улыбалась – учтиво и выжидательно. Она разговаривала с Александром обычным тоном, используемым на светских раутах – когда нужно быть очаровательной и нейтральной. – И? Так что мы решим?

– Давайте пообедаем вместе. Завтра. В ресторане «Герр Тайлер». Согласны?

– Я о другом! – засмеялась Вероника. – Какой вы стремительный! Но что мы будем делать с вашей «короллой»?

– Забудьте! У хозяйки картинной галереи наверняка хватает забот. Так как насчет обеда?

Вероника задумалась. Александр вызывал симпатию. Обаятельный, с горящим взглядом любителя женщин. Крепкая шея обтянута водолазкой, под распахнутой дубленкой видны широкая грудь и абсолютно плоский живот. «Неплохо, – подумала Вероника. – Сколько ему? Слегка за тридцать? В этом возрасте многие мужчины представляют собой заплывшую жиром емкость для пива. А он недурно сохранился...»

– Я согласна.

– Я заеду в двенадцать! – с гасконской пылкостью воскликнул Валдаев.

– Нет, встретимся прямо в ресторане, – сказала Вероника. – О'кей? Отлично. Тогда до завтра! Рада была познакомиться.

И, продолжая улыбаться, Вероника села в автомобиль и захлопнула дверь.

Валдаев постучал в окно.

– Ну, что еще? – раздраженно прошептала Вероника. Улыбка успела слететь с ее лица. Пришлось надевать вновь. Она нажала кнопку, опуская стекло. – Да, Саша?

– Почему ваша галерея называется «Фонтенуа»?

– Хмм... – замялась Вероника. – Просто красивое сочетание звуков.

– Вы серьезно?

– А что?

– Фонтенуа – бельгийское селение, рядом с которым французские войска маршала Морица Саксонского разбили англичан. Восемнадцатый век, если не ошибаюсь, англо-французская война.

– Вы меня убили! – изумилась Вероника. – Я была уверена, что сама изобрела название для моей галереи. А у этого слова, выясняется, целый шлейф милитаристских ассоциаций... Армия... Французы, англичане... Мориц...

«...Довольно мил, – размышляла Вероника. Она подъехала к косметическому салону с получасовым опозданием. – Игрив, как трехмесячный щенок. Прекрасная фигура, ямочки на щеках. Образован, начитан – даже знает про Фонтенуа. Но что с того? Он не тот...»

И через несколько минут, размякнув под руками массажистки, Вероника совершенно забыла и о ДТП, так счастливо для нее завершившемся, и об Александре Валдаеве.

Настя решила на отчаянный шаг. Она взяла футляр с жемчужным колье и отправилась к дельцу, практикующему, по агентурным данным, скупку ювелирных изделий у лиц, попавших в бедственное положение.

Именно в таком положении и находилась сейчас Настя. Отсутствие денег сначала ее раздражало. А теперь и вовсе доводило до истерики. Решив расстаться с любимым украшением, она надеялась обеспечить себя средствами по крайней мере на полгода. Решение далось не просто. С драгоценным колье были связаны воспоминания. Но что поделаешь...

– Я такое не беру, – оговорил Анастасию мужчина, едва взглянув на украшение.

Настя, страшно нервничая, стояла посреди комнаты, хаотично забитой антикварной мебелью – инкрустированные горки, диваны и кресла в стиле модерн, ампирные столики.

– Что? – растерялась она. – Простите?

– Искусная имитация. Подделка.

– Вы шутите?

Скупщик пренебрежительно пожал плечами и сунул бархатный футляр в руки посетительницы.

– Это настоящий жемчуг! И камни! – воскликнула Настя. – Вы только посмотрите!

– Я и смотрю. Милочка, кого вы пытаетесь провести? Я понимаю, вы попали в затруднительное положение. И все-таки – не подсовывайте мне бижутерию. Я профессионал. Достаточно одного взгляда на ваши побрякушки. Забирайте и уходите!

Выдворенная с позором из антикварного царства, Настя долго стояла на улице, не в силах прийти в себя. Снег засыпал ее, снежинки дрожали на ресницах, лезли в рот.

У меня есть для тебя небольшой подарок.

Открой.

Ну как?

Драгоценность, подаренная Платоновым в честь их совместного юбилея, была фальшивкой. И он конечно же об этом знал! Вряд ли ему, оборотистому и расчетливому, сумели бы впарить подделку. Он приобрел ее сознательно, пожалев денег на оригинал.

О боже, какая прелесть!

Какой роскошный жемчуг!

А этот камень... Как загадочно он мерцает.

Ты истратил на это целое состояние.

О, милый... Спасибо!

– Он меня обманул, – с горечью прошептала Настя. По ее щекам текли слезы. – А все его слова и чувства? Они тоже были фальшивыми?

Униженная в который раз за последние месяцы, Настя медленно побрела к машине.

Глава 9

Требуется немая экономка

– Так, я нашла тебе работу.

Мария разгладила руками мятый обрывок газеты.

– Что там? – поинтересовалась Настя. Она сидела на диване и качала Стасика. От ребенка пахло присыпкой и молочными ирисками, он бодрствовал и внимательно разглядывал няньку. У Стасика близился юбилей – три месяца. Настя чувствовала ладонью мягкое плечико под фланелевой распашонкой, и ее сердце таяло.

– Зачитываю. «Художник, постоянно проживающий за городом, приглашает экономку.

Требования:

1. Великолепные кулинарные навыки.
2. Молчаливость, граничащая с полной немотой.
3. Нордический характер.
4. Отсутствие аллергии на льняное масло.
5. Возраст 45–60 лет.

Проживание в коттедже (район озера Саманкуль), питание. Достойная зарплата». Ну что? Блеск!

– Экономка! – возмутилась Настя. – Ну, спасибо, Маша! Нет уж! Хватит с меня!

– Да ладно!

– И особенно мне нравится пятый пункт. От сорока пяти до шестидесяти. Я как раз подхожу.

– По большому счету ты можешь похвастаться лишь великолепными кулинарными навыками. Только человек с необузданной фантазией назовет тебя молчаливой или нордически выдержанной.

– И зачем тогда ты суешь мне это объявление?

– Предложение как раз для тебя! – радостно выпалила Мария.

– Спасибо, – обиделась подруга. – Записала меня в экономки! Не хочу я никому прислуживать! Довольно!

– Постой! Не горячись. Подумай. Что требуется? Приготовить еду – для себя и, так и быть, художника. Ты делаешь это превосходно и без видимых усилий.

– Ну... Да.

– Затем – навести легонький порядочек. Запросто! Оглянись! Даже наша квартира преобразилась с тех пор, как ты стала жить рядом.

– И что?

– Далее. Он – художник, творческая личность. Он мечтает об уединении. На это нам указывает второй пункт объявления. Художник не хочет, чтобы у него путались под ногами.

– Зачем же приглашает к себе чужого человека?

– От отчаяния! Замучился мужик питаться полуфабрикатами. Супчику домашнего зашел, лангетика.

– А-а...

– Что – а-а? Покормила его пару раз, со шваброй пробежала – и ты свободна! Саманкуль, курортная зона! Красота! Зима, снег блестит, сосны качаются, воздух фантастический! Гуляй, дыши, успокаивай нервы. Осмысливай жизнь, наконец. И за это тебе еще и денег заплатят.

– Ну, я не знаю... Нет. Не хочу быть экономкой!

– Он тебя ждет послезавтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.